

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

MSVIIAGIN

PO RUSSKOI I KITAISKOI MAN'CHZHURII
OT

CELLULAR USE

LIBRARY
OF
PRINCETON UNIVERSITY

ПО РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
МАНЬЧЖУРИИ
отъ Хабаровска до Нингуты.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ и НАБЛЮДЕНІЯ.

Н. С. Свѣягина.

ЦѢНА 75 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1897.

Digitized by Google

ПО РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
МАНЬЧЖУРИИ
отъ Хабаровска до Нингуты.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ и НАБЛЮДЕНІЯ.

Н. С. Свѣягина.

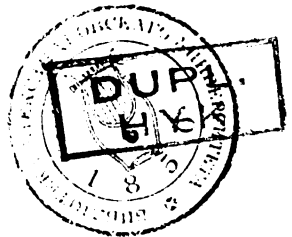
Sviâgin

ЦѢНА 75 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Февраля 1897 г.

По русской и китайской Маньчжурii отъ Хабаровска до Нингуты.

Впечатлѣнія и наблюденія Н. С. Свiагина.

Въ 1895 году въ Уссурийскомъ краѣ стояло особенно дождливое лѣто. За весь августъ мѣсяцъ выдалось лишь нѣсколько ясныхъ дней. Во многихъ мѣстахъ края произошли бѣдствiя отъ наводненiй; особенно пострадало село Анучино, были также поврежденiя и на Уссурийской желѣзной дорогѣ. Высоко поднялась вода на Уссурii и ея разливъ при слиянii съ широкимъ разливомъ Амура образовалъ у Хабаровска безбрежное водное пространство по темной поверхности котораго, подъ непрерывнымъ дождемъ разбѣгались шумливыя волны. 30 августа при вѣтреной погодѣ здѣсь развилось такое волненiе, что готовившiйся къ отходу изъ Хабаровска въ Иманъ пароходъ «Путятинъ» не могъ держаться у пристани безъ риска обломать борты и долженъ былъ отойти къ противоположному берегу отстаиваться. Послѣ полудня, однако, вѣтеръ началъ стихать, пароходъ принялъ пассажировъ и мы, покинувъ Хабаровскъ съ его чиновнымъ населенiемъ и казенными домами, пошли вверхъ по Уссурii, въ нѣсколько тревожномъ настроенii за успѣхъ предпринимаемаго путешествiя по Китайской Маньчжурii и съ благодарнымъ воспоминанiемъ о добромъ вниманii Генерала Гродекова, замѣщавшаго отсутствующаго Генераль-Губернатора Духовскаго и о любезномъ участii В. Попова Главнаго Интенданта Амурскаго Военнаго Округа, сдѣлавшихъ все зависящее для осуществленiя нашего путешествiя.

Тревожное сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла пробудилось у меня при ближайшемъ ознакомленіи съ условіями снаряженія и дѣйствія бывшихъ раньше въ Китайской Маньчжуріи русскихъ экспедицій. Подозрительная придирчивость и противоѣдѣніе китайскихъ чиновниковъ и бродящія по странѣ шайки хунхузовъ (китайскихъ разбойниковъ), судя по слышаннымъ въ Хабаровскѣ рассказамъ, могли поставить насъ въ условія, при которыхъ производство составлявшихъ цѣль экспедиціи наблюдений и изслѣдованій, оказалось бы совершенно невозможнымъ. Тутъ же я узналъ о необходимости имѣть вооруженный конвой, что составляетъ непремѣнное условіе безопасности не только для русскихъ, но вполне согласуется съ обычаями туземныхъ путешественниковъ купцовъ и чиновниковъ, въ чемъ я самъ впоследствии лично убѣдился. Однако, этимъ Хабаровскимъ опасеніямъ я могъ противопоставить важное значеніе той роли, какую при подобныхъ обстоятельствахъ играетъ счастливая удача, а также твердую вѣру въ то, что Богъ ни безъ милости, а казакъ ни безъ доли.

Мало привлекательнаго представляетъ плаванье по Уссури.

При отсутствіи всякаго комфорта на мѣстныхъ пароходахъ не хватаетъ многого, даже для того чтобы сдѣлать это путешествіе просто удобнымъ. Къ тому же и суровая природа открытыхъ лѣсомъ гористыхъ береговъ, съ преобладаніемъ характернаго мѣстнаго типа возвышенностей—«сопокъ»—не ласкаетъ взора ни мягкостью контуровъ, ни пѣжной свѣжестью окраски и не поражаетъ ни грандіозностью, ни строгимъ величіемъ. Хотя въ этой природѣ и чувствуется какая то дикая мощь, но сила эта не привлекаетъ и не вызываетъ высокаго стремленія въ общеніи съ природою слиться съ ней чувствомъ, а отталкиваетъ своей суровой враждебностью, напоминающею о необходимости физической самозащиты и заставляетъ человѣка замкнуться въ самомъ себѣ. Многоводная пустынная рѣка не ослабляетъ этого впечатлѣнія. Не разсѣиваютъ его и попадающіяся по косогору праваго берега небольшія селенія: съ неряшливо построенными почернѣвшими бревенчатыми избами, съ унавоженными дворами и разоренными оградами. Отступились отъ сель

бывшіе здѣсь раньше лѣса. Не видно ни хлѣбныхъ скирдъ, ни стоговъ сѣна, нѣтъ и огородовъ. Ни какихъ слѣдовъ не только самыхъ элементарныхъ духовныхъ стремленій, но даже наклонности. Все грязно, неряшливо и разорено.

А тамъ—за этими берегами въ глубь страны тянутся пустынные пространства кочковатыхъ болотъ и сопокъ, покрытыхъ лѣсами.

Мощная заросль чернолѣся по холмистымъ возвышенностямъ сопокъ, кедровые лѣса по гребнямъ горныхъ хребтовъ и цѣлое море буйной травянистой растительности по плоскимъ пологимъ долинамъ развились въ этомъ дѣвственномъ краѣ подъ горячимъ полуденнымъ солнцемъ при обилии атмосферной и почвенной влаги, не тронутыя ни плугомъ, ни топоромъ, ни лопатой. А въ союзъ съ могучимъ растительнымъ царствомъ здѣсь окрыло и царство животныхъ.

Стройная дикая коза граціозно пробѣгаетъ, мелкая въ высокой травѣ; осторожный и чуткій кабанъ сосредоточенно прокладываетъ свои спутанные рытые слѣды, отыскивая луковицы болотныхъ растений; хлопотливо взлетаетъ красивый золотистый фазанъ... Но беззвучна глухая тайга. Лишь изрѣдка гдѣ-то въ лѣсу торопливо застучитъ дятель, да, въ ночной тишинѣ, съ отдаленной сопки надъ окрестной долиной разнесется громкій призывной крикъ гурана, отдаваясь эхомъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, гдѣ бродя за добычею тигръ безстрашный ¹⁾ съ угрюмымъ медвѣдемъ встрѣчается.

При разнообразіи формъ и мощномъ развитіи типовъ представителей флоры и фауны угрюмъ и непривѣтливъ этотъ необжитой человѣкомъ и полный враждебной суровости край.

2-го Сентября по широкому разливу Уссури, мы вошли въ рѣку Има, поминутно встрѣчая плывущіе бревна и цѣлыя штабеля шпалъ съ затопленныхъ лѣсныхъ складовъ и пройдя мимо

¹⁾ Въ Уссурійскомъ краѣ не разъ приходилось мнѣ слышать рассказы о томъ, что этотъ звѣрь не боится человѣка и вступаетъ съ нимъ въ борьбу не только вынужденный къ тому обстоятельствами подобно другимъ хищнымъ звѣрямъ, но нерѣдко самъ предпринимаетъ охоту на человѣка, выслѣживая его съ большимъ искусствомъ и ловкостью.

подымающихся надъ горизонтомъ воды покосившихся крышъ подмытыхъ рѣкою временныхъ построекъ, подошли къ желѣзнодорожной пристани.

По берегу тянутся товарные склады и сараи, а въ сторонѣ между деревьевъ разбросаны отдѣльные домики. Всѣ постройки здѣсь имѣютъ временный характеръ. Это созданный естественными условіями пунктъ, отъ котораго съ одной стороны открывается пароходное сообщеніе по рѣкамъ обширной Амурской системы, а съ другой желѣзнодорожное сообщеніе съ Владивостокомъ. Строющаяся нынѣ вдоль Уссури Сѣверно-Уссурийская желѣзная дорога подорветъ, конечно, въ будущемъ значеніе этого пункта, но не уничтожитъ его, такъ какъ многіе грузы, направляющіеся изъ Владивостока на Амуръ и далѣе, все-таки пойдутъ отсюда болѣе дешевымъ воднымъ путемъ, если этотъ путь не будетъ искусственно закрытъ для нихъ тарифной игрой.

Ожидавшій прихода «Путятина» желѣзнодорожный поѣздъ черезъ часъ доставилъ насъ на станцію Муравьевъ-Амурскій, которая въ силу какихъ-то совершенно необъяснимыхъ мотивовъ была избрана конечнымъ пунктомъ Южно-Уссурийской желѣзной дороги. Имѣя вблизи двѣ судоходныя рѣки Уссури и Има, станція Муравьевъ Амурскій расположена въ сторонѣ отъ нихъ, въ совершенно пустынной мѣстности безъ надежнаго источника прѣсной воды. Такимъ образомъ, начинающаяся у Владивостока Южно-Уссурийская желѣзная дорога представлялась какъ бы случайно оборванной съ концомъ, затерявшимся въ тайгѣ. Теперь въ виду продолженія дороги до Хабаровска пришлось, для удовлетворенія требованія естественныхъ условій, въ 8 верстахъ строить маленькую станцію Иманъ, которая по своему положенію у начала судоходнаго сообщенія по рѣкамъ Амурскаго бассейна и будетъ дѣйствующей коммерческой станціей, тогда какъ Муравьевъ-Амурскій обстроенная и оборудованная, какъ конечная станція дороги, остается совершенно мертвымъ пунктомъ.

Здѣсь въ ожиданіи возстановленія желѣзнодорожнаго движенія, прерваннаго вслѣдствіе поврежденія полотна дороги, мы

оставались до 5 сентября, пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ въ семьѣ инженера Курдюмова.

Простившись съ любезными хозяевами двигаемся дальше по Уссурійской дорогѣ. Длинными прямыми перерѣзываетъ она плоскія болотистыя пространства. Рѣдкій лиственный лѣсъ, съ рѣзкими слѣдами часто повторяющихся паловъ, покрываетъ всѣ сколько-нибудь замѣтныя возвышенности надъ ровной мѣстностью съ одиноко стоящими желѣзнодорожными станціями.

Знакомыя мѣста невольно возстановляютъ въ памяти картины недавняго прошлаго изъ исторіи сооруженія дороги. Вотъ станція Свіягина, новыя постройки которой еще сохранили слѣды свѣжести недавно законченныхъ работъ.

Здѣсь осенью 1891 года на склонѣ холма и опушки лѣсной, лишь одиноко стояла погнувшись вѣха. Поставленная здѣсь желѣзнодорожными инженерами при изысканіяхъ, она являлась единственнымъ свидѣтелемъ того, что человѣкъ проникать уже сюда. Черезъ лѣса и болота по пустынной странѣ пробирались изыскатели-инженеры при томительной непрерывности мучительно назойливаго преслѣдованія комаровъ, мошекъ, паута и прочаго гнуса.

Съ наступленіемъ зимы, скованная морозомъ подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ погрузилась въ зимнюю спячку тайга, но покинутая здѣсь одинокая вѣха не глядитъ уже такъ сиротливо; рядомъ съ нею, надъ вершинами облаженныхъ деревьевъ вьется дымъ. На мѣстѣ будущей желѣзнодорожной станціи возникло жильѣ человѣка. Зародилась здѣсь жизнь иная. Въ новенькой кузницѣ гулко и мѣрно раздаются частые удары молота, къ широко распахнутымъ воротамъ длиннаго цементнаго склада подѣзжаютъ груженные обозы и бойко идетъ въ амбаръ пріемка запасовъ продовольствія на мѣсяцы, когда, съ уничтоженіемъ саннаго пути, станція Свіягина должна была остаться отрѣзанной безпутицей отъ всѣхъ обитаемыхъ мѣстностей. Медленно движутся нагруженные камнемъ и лѣсомъ подводы и сбиваясь съ накатанной санной дороги спѣшно пробѣгаютъ порожняки. Съ лихорадочной торопливостью создается опорный пунктъ для постройки желѣзной дороги въ тайгѣ.

Весною 1892 года едва среди непрерывных дождей начали выдаваться ясные дни и по разливамъ рѣкъ и на болотахъ надъ горизонтомъ воды обнажились вершины кочекъ, какъ изъ села Спасскаго вдоль линіи строящейся желѣзной дороги пробивая тайгу энергично повелась постройка временной грунтовой дороги, по которой, при оживленномъ движеніи строительныхъ грузовъ и рабочихъ, потянулись обозы переселенцевъ-новоселовъ, осѣдавшихъ по мѣрѣ продолженія дороги и такимъ образомъ заселившись между станціями Спасская и Свѣягина три селенія, расположенныя въ трехъ, четырехъ верстахъ отъ желѣзной дороги: Хвалынское, Александровка и Зиньковка. Многіе изъ новоселовъ перевозили съ собою приобретенные въ ближайшихъ селахъ на сносъ готовые дома, которые быстро устанавливались на новыхъ мѣстахъ, привѣтливо выдѣляясь на темной зелѣни ландшафта. Въ первое лѣто крестьяне не успѣли сдѣлать посѣвовъ, но сдѣлали запасы сѣна, стога котораго окруженные свѣжей атавой густо стояли на никогда не косившихся раньше лугахъ. Кое-гдѣ уже были наѣзжены полевые дороги и чувствовалось приближеніе того времени, когда упорная сила мужичья окончательно побѣдитъ дикую природу этой мѣстности, а производившаяся одновременно съ заселеніемъ постройка желѣзной дороги непрерывною цѣпью звеньевъ стальныхъ свяжетъ ее съ Владивостокомъ. Такимъ образомъ у суровой природы и дикихъ звѣрей отвоевывалась новая площадь и вливалась новая жизнь въ пробудившійся поздно для жизни культурной въ нелюдимый, угрюмый непривѣтливо пасмурный край.

Вспоминаются и послѣдующіе періоды постройки дороги и рисуются другія картины. Длинной вереницей чередуясь смѣняютъ другъ друга разрушительныя наводненія, морь сибирской язвы, темные подвиги хунхузовъ и бѣжавшихъ съ работъ каторжниковъ и дѣянья алчныхъ къ наживѣ предпринимателей съ танталовской жадной стяжанія, доходившей до полумилліонныхъ дутыхъ претензій къ казнѣ. За этими выдѣляющимися явленіями, сливаясь своей непрерывностью въ общій фонъ картины, тянутся мелкія проявленія типичнаго «амурскаго ума»,

который выражался въ умѣнны надуть, обойти и ловко вывернуться, бахвалаясь похвальбой: «съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ».

Но живыя впечатлѣнія смѣняють похоронныя воспоминанія. Поѣздъ уносится дальше. Мѣстность принимаетъ всхолмленный видъ. Дорога становится извилистой; короче прямая, чаще подъемы и спуски. На право и на лѣво видны широко раскинувшія на вольныхъ земляхъ хохлацкія села: Спасское, Воскресенка, Прихоры, Черниговка и др. Ближе къ дорогѣ подступаютъ сопровождающіе ее лѣса. За болотистой долиной р. Лефу начинается пологій подъемъ на плоскую возвышенность водораздѣла Ханка-Суйфунъ. Спустившись съ водораздѣла минуемъ расположенное на ровной мѣстности лѣваго берега рѣки Суйфунъ богатое торговое село Никольское, будущій начальный пунктъ нашего пути за границу, и направляемся во Владивостокъ для подготовки предпринимаемаго путешествія. Дорога идетъ вдоль лѣваго берега Суйфуна, обрѣзывая мѣстами подступившія въ самой рѣкѣ высокія скалистыя возвышенности отроговъ хребта Сихотэ Алинъ и поднявшись на одинъ изъ нихъ извиваясь крутыми уклонами быстро спускается къ станціи Надеждинской. Вскорѣ справа открывается водная гладь мелкихъ морскихъ заливовъ. Дорога идетъ вдоль морскаго берега. Еще одинъ переваль и мы вѣзжаемъ во Владивостокъ, вытянувшійся своей главной Свѣтланской улицей вдоль прекрасной глубокой и тихой бухты Золотой Рогъ. Кромѣ коммерческихъ иностранныхъ и русскихъ судовъ Добровольнаго флота здѣсь лѣтомъ стоятъ почти всѣ военныя судна нашей Тихоокеанской эскадры. Берега бухты обрамляютъ влажные горные склоны одѣтые яркой зеленью травы и кустовъ. Здѣсь скрывшись въ изгибахъ прибрежныхъ холмовъ съ командно стоящихъ межъ ними вершинъ въ даль моря глядятъ батареи съ высотъ.

Отсюда приволье на водномъ просторѣ
Культурныя страны тамъ въ водной дали,
Здѣсь выходъ свободный въ открытое море
Могучія русскія силы нашли.

Въ этомъ кроется та притягательная сила Владивостока, которая привлекаетъ къ нему, несмотря на мрачный колоритъ воспоминаній о жизни въ этомъ городѣ у всѣхъ покидающихъ его.

Всѣ мѣстные жители, будучи населеніемъ пришлымъ и притомъ перемѣннымъ, съ поразительнымъ единодушіемъ ругаютъ Владивостокъ и рвутся изъ него. Здѣсь на далекой окраинѣ русской земли всѣ связаны съ мѣстомъ лишь дѣломъ которому служатъ, но въ глубинѣ души каждый хранитъ стремленіе къ мѣсту своей далекой родины и нѣжныхъ дѣтскихъ воспоминаній. Но и для Владивостока подходитъ время, когда онъ будетъ имѣть жителей удерживаемыхъ здѣсь не одной только жадной наживы или обязательной казенной службой; теперь уже вступаетъ въ жизнь молодое поколѣніе изъ тѣхъ, чье первое проблески сознанія будились картинами окружающей природы и мѣстной жизни, для кого онъ служить родиной. Настаютъ другія времена, можетъ и нравы измѣнятся.

Во Владивостокѣ мы застали Генераль Губернатора Духовскаго, готовившагося къ отправленію въ Петербургъ. Генераль Духовской внимательно отнесся къ моей экспедиціи и обѣщалъ телеграфировать нашему посланнику въ Пекинѣ графу Кассини, чтобы обезпечить намъ покровительство Китайскихъ властей. Владивостокскіе знакомые, подтверждая Хабаровскія опасенія относительно ожидавшихъ насъ за границею невзгодъ и опасностей, скептически относились къ успѣху экспедиціи. Однако, почти у всѣхъ здѣсь я встрѣтилъ полное сочувствіе и живой интересъ къ дѣлу.

15 дней ушло у насъ на организацію партіи, подборъ личнаго состава, снабженіе всѣхъ участниковъ одеждой ¹⁾ и оружіемъ, пріобрѣтеніе инструментовъ, заготовку сухарей и вообще провизіи въ количествѣ необходимомъ на два мѣсяца, на покупку лошадей и снаряженіе обоза экспедиціи. Предвидѣно было рѣшительно все до послѣднихъ мелочей, такъ чтобы

¹⁾ Это было вызвано особыми условіями снаряженія экспедиціи; и оказалось крайне неудобнымъ, неэкономнымъ и вообще неудачнымъ изобрѣтеніемъ.

въ теченіи двухъ мѣсяцевъ можно было путешествовать и работать ¹⁾ въ пустынной странѣ, имѣя все необходимое при всякихъ случайностяхъ.

Фуражъ для лошадей не могъ быть взятъ на все время и, въ случаѣ невозможности пріобрѣтать его у мѣстныхъ жителей, приходилось успокоивать себя надеждой на косьбу травы. Снабженіе партіи необходимыми запасами требовало большаго вниманія для того, чтобы успѣхъ экспедиціи былъ обезпеченъ даже въ томъ случаѣ, еслибы китайскія власти, по бывшимъ раньше примѣрамъ, воспретили бы мѣстному населенію продавать намъ что либо и вообще вступать съ нами въ сношенія.

Не забылъ я также, по восточнымъ обычаямъ, запастись предметами для одариванья и угощенія китайскихъ чиповниковъ и вообще лицъ любезностью или гостепріимствомъ которыхъ пришлось бы намъ воспользоваться. Для этой цѣли я взялъ запасъ дешевыхъ ликеровъ, наливокъ, шампанскаго экзелцисіоръ, конфектъ, варенья и вообще сладостей, нѣсколько револьверовъ, биноклей, музыкальный ящикъ и разныя эффектные вещи, въ видѣ вазъ, шкатулокъ и проч.

Изъ этихъ подарковъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, самыми цѣнными и пріятными для китайцевъ были оружіе и вина.

Была изготовлена также хорошо снабженная медикаментами и удобно приспособленная для выючной перевозки походная аптека.

За это же время была произведена вывѣрка инструментовъ; подробно изучены были свойства четырехъ имѣвшихся anerоидовъ и установлена связь ихъ показаній съ показаніями ртутнаго барометра мѣстной метеорологической станціи ²⁾.

Наибольшее затрудненіе въ организаціи путешествія представлялъ выборъ спутниковъ, которые были бы и полезными

¹⁾ Цѣль экспедиціи главнымъ образомъ составляли топографическія изслѣдованія.

²⁾ Этотъ трудъ, равно какъ систематизація полевыхъ барометрическихъ наблюденій и предварительныя вычисленія по нимъ высотъ точекъ, исполнены были М. Н. Васильевымъ.

сотрудниками и хорошими товарищами. Соблюденіе послѣдняго условія имѣеть весьма существенное значеніе для путешествія въ чужой и пустынной странѣ, гдѣ путешественникамъ приходится дѣлать и трудъ, и лишения, и опасности. При этомъ часто неудобныя въ общежитіи черты характера нѣкоторыхъ ведутъ къ недоразумѣніямъ, отражающимся на успѣхѣ дѣла. Я благодарю случай, который далъ мнѣ возможность имѣть въ лицѣ Григорія Алексѣевича Мосина переводчика, прекрасно владѣющаго китайскимъ языкомъ и знакомаго съ обычаями страны—куда мы отправлялись. Съ добрымъ чувствомъ вспоминаю я доктора Павла Станиславовича Тенчинскаго и остальныхъ спутниковъ специализировавшихся по занятіямъ топографическими работами.

Во Владивостокѣ все время нашего пребыванія была прекрасная тихая, ясная, и теплая погода, обыкновенно устанавливающаяся здѣсь съ конца Августа на 1—2 мѣсяца.

Получивъ отъ военнаго губернатора Приморской Области Генерала Унтербергера «открытые листы», написанные параллельно на русскомъ и китайскомъ языкѣ для путешествія за границей и не дождавшись отвѣта на посланную въ Пекинъ Генераломъ Духовскимъ телеграмму, мы покинули Владивостокъ и 22 Сентября вполне организованная партія наша собралась въ Никольскомъ.

Это, правильно распланированное на ровной мѣстности, село-городъ имѣеть длинныя прямыя улицы, застроенныя похожими другъ на друга деревянными домиками въ 3—5 оконъ на улицу съ небольшимъ крылечкомъ сбоку характернаго типа домовъ захолустныхъ городковъ нашей родины. Большая торговая площадь обстроена солидными кирпичными зданіями магазиновъ торговыхъ фирмъ: «Кунстъ и Альберсъ», «Чуринъ» и др. За этой площадью недавно насаженный пустыннаго вида общественный садъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села за стариннымъ крѣпостнымъ валомъ на нѣсколько приподнятой площади выдѣляются новыя двухъ-этажныя кирпичныя постройки подъ желѣзными крышами. Это такъ называемая крѣпость съ казармами, цехгаузами и проч. расположенныхъ здѣсь частей

войскъ. Здѣсь же находятся отдѣльные дома военнаго начальства и домъ военнаго собранія. Съ крѣпостнаго вала открывается красивый видъ на долину Суйфуна. При въѣздѣ въ крѣпость стоитъ деревянная триумфальная арка, другая триумфальная арка кирпичная значительныхъ размѣровъ построена при въѣздѣ въ Никольское изъ Владивостока по почтовому тракту—это память о посѣщеніи Государя Наслѣдника въ 1891 г. Въ воспоминаніе объ этомъ событіи и во всѣхъ другихъ видѣнныхъ нами селахъ по пути слѣдованія Высокаго Путешественника сохранились деревянные арки съ надписями радушныхъ привѣтствій.

Въ Никольскомъ намъ предстояло принять конвойную команду изъ десяти казаковъ Забайкальскаго коннаго войска и заготовить палатками и пищевыми консервами изъ Интендантскихъ запасовъ. Эти консервы (особенно щи съ кашей) какъ впоследствии оказалось, заслуживаютъ наилучшей рекомендаціи.

Наканунѣ выступленія изъ Никольскаго явилось прискорбное осложненіе; я получилъ отъ Генерала Унтербергерга телеграмму, въ которой онъ сообщалъ: «Если охраннаго Китайскаго листа у Васъ нѣтъ, то обождите выѣздомъ за границу. Командируйте завтра Мосина сюда переговорить». Такъ какъ во время моихъ свиданій съ Генераломъ Унтербергеромъ и Генераломъ Духовскимъ вопроса объ китайскихъ охранныхъ листахъ не возбуждался и полученные мною отъ Губернатора открытые листы признавались единственно необходимыми документами, то возникавшее теперь препятствіе къ переходу границы являлось совершенно неожиданнымъ.

На другой день г. Мосинъ отправился во Владивостокъ для выясненія недоразумѣнія, а мы направились къ границѣ въ казачью станицу Полтавскую. Отъ Никольскаго до Полтавской 60 верстъ по почтовому тракту, который протекаетъ по долинѣ рѣки Суйфунъ.

За Никольскимъ проѣзжаемъ остатки стариннаго укрѣпленія представляющаго обширную площадь, обнесенную глубокими рвами и массивными земляными валами съ явными слѣдами древняго происхожденія.

Далѣ на протяженіи болѣ десяти верстъ тянутся обработанные поля, между которыми разбросаны окруженные пашнями, огородами, стогами сѣна и скирдами хлѣба заимки (хутора) Никольскихъ крестьянъ. Послѣдніе имѣя въ Никольскомъ городскіе дома держатъ хозяйство на заимкахъ. Вообще Никольскіе крестьяне отличаются зажиточностью и обыкновенно всѣ полевые работы исполняютъ наемнымъ корейскимъ трудомъ. Корейцы въ большинствѣ случаевъ работаютъ изъ полу, отдавая половину урожая владѣльцу земли и рѣже бываютъ арендаторами ея. Заимки и небольшія поселенія съ болѣе или менѣе значительными промежутками тянутся почти непрерывно на протяженіи 28 верстъ до селенія Покровка. Это большое село съ церковью и, судя по внѣшнему впечатлѣнію, съ зажиточными крестьянами. Близъ Покровки опять остатки стариннаго укрѣпленія.

Далѣ въ разстояніи 6—7 верстъ расположено большое село Синельниково, населенное крещеными корейцами, высланными изъ Кореи вслѣдствіе голода, опустошавшаго эту страну съ 1868 г. Среди села большая деревянная церковь. Есть здѣсь и школа, обязательность посѣщенія которой поддерживается постановленіемъ волостнаго правленія.

Въ отношеніи внутренняго управленія крещеные корейцы подчиняются общегосударственному порядку крестьянскихъ управленій съ волостными и сельскими правленіями, старшинами, старостами, судьями и проч. Многіе изъ нихъ хорошо говорятъ по-русски и носятъ русскій костюмъ, но главнымъ отличительнымъ признакомъ ихъ служатъ остриженные по-русски волосы вмѣсто безобразной и неряшливой національной ихъ прически изъ отпущенныхъ по-женски длинныхъ волосъ-уродливымъ узломъ закрученныхъ на темени. Сказаннымъ ограничивается сходство ихъ съ русскими; въ складѣ же внутренней жизни, въ обычаяхъ, въ хозяйственной культурѣ и характерѣ построекъ они сохранили свои національныя особенности. Хозяйство у нихъ интенсивное; поля воздѣланы тщательно и способъ обработки ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ почвы и климата, признается даже нашими крестьянами лучше рус-

скаго. На занятомъ ими пространствѣ мало встрѣчается пусты-
ющихъ земель. Живутъ они въ домахъ національной постройки,
расположенныхъ внутри обширныхъ и обыкновенно чисто со-
держимыхъ дворовъ, огороженныхъ высокимъ заборомъ; тутъ
же вблизи обыкновенно расположены и пашни, которыя не
огораживаются и домашній скоть держится на привязи. Рабо-
чимъ скотомъ у нихъ служатъ безразлично быки и коровы, на
которыхъ возять тяжести и ѣздить налегкѣ въ одиночной
упряжи.

Пройденная часть долины Суйфуна и по естественнымъ
условіямъ, и по культурности представляетъ лучшее мѣсто Ус-
сурійскаго края. Пологая мѣстность степнаго характера съ
песчано-глинистой почвой, прорѣзывается быстрой и широкой
сплавной рѣкой. Въ дали лишь виднѣются горы, которыя по
мѣрѣ удаленія отъ Никольскаго обрисовываются все рѣзче и
рѣзче и наконецъ подступая къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ за-
мыкають долину ея выше деревни Синельниковой. Найденные
близъ Никольскаго памятники древности съ высѣченными на
камяхъ надписями свидѣтельствуютъ, судя по разобраннымъ пись-
менамъ,—«что культурная древность края восходитъ не менѣе
какъ до XII ст., т. е. за 8 вѣковъ до нашего времени. Но
имѣются историческія свидѣтельства, что эта древность подни-
мается до VIII ст. до такъ называемой бохайской эпохи, т. е.
совпадаетъ и даже превосходитъ историческую древность Рос-
сійскаго Государства въ эпоху призванія варяговъ» ¹⁾).

Выше деревни Синельниковой Суйфунъ извилистымъ тече-
ніемъ прижимается къ лѣвому берегу, омывая скалистые бере-
говые утесы. Здѣсь оканчиваются обработанныя поля и от-
крытая ровная мѣстность; далѣе дорога идетъ по уваламъ съ
зарослями орѣшника. На право виднѣется станица Фадѣвка.

Спустившись вновь къ Суйфуну минуемъ слѣды еще одного
древняго укрѣпленія, переправляемся на канатномъ паромѣ на
правый берегъ Суйфуна у станицы Константиновской и под-

¹⁾ Историческія судьбы азіатскаго Сѣверо-востока. Читано въ Общ.
Изуч. Амур. края В. Пановымъ.

нимаемся на значительную возвышенность, которую, удаляясь от насъ, огибаеъ Суйфунъ.

Въ этой возвышенности открывается панорама широкой (2—4 вер.) долины Суйфуна. На западъ, куда направляется путь нашъ въ 25 верстахъ долина суживаясь скрывается за крутымъ поворотомъ рѣки между горъ. Тамъ хребты за хребтами подымаясь сливаются съ синею далью. Южный берегъ долины образуютъ пологіе, плоскіе склоны, которые подымаясь вверхъ по рѣкѣ принимаютъ всхолмленный видъ и переходятъ далѣ въ крутыя скалистыя возвышенности. Сѣверный берегъ долины образуетъ крутой каменистый склонъ хребта Ванъ-лун-гоу, рѣзко очерченная подошва котораго проходитъ въ разстояніи одной версты отъ рѣки. Ограниченная этой рамой мѣстность представляетъ плоскую, ровную долину съ пологимъ скатомъ къ Суфуну. Прямо передъ нами у подошвы спуска расположена стапца Полтавская (36) ¹⁾ далѣ въ двухъ верстахъ виднѣется группа чистенькихъ построекъ нашего пограничнаго Суйфунскаго караула, а за нимъ, перерѣзывая долину Суйфуна, извивается темноо лентой русло рѣки Ута-гоу, составляющей нашу государственную границу; лѣвый берегъ ея уже принадлежитъ Китаю.

Станица Поставская представляетъ небольшое селеніе въ одну улицу съ рѣзкими контрастами хорошихъ домовъ и жалкихъ лачугъ. Въ станицѣ небольшая деревянная церковь и почтово-телеграфная контора. Кромѣ хлѣбопашества казаки занимаются извозомъ, а также не чужды и другихъ промысловъ, связанныхъ съ пограничнымъ положеніемъ станицы, служащимъ къ обогащенію для нѣкоторыхъ и къ паденію для другихъ. Къ числу такихъ промысловъ относится тайный ввозъ въ наши предѣлы опиума, маньчжурскаго табаку и китайской водки (сули, ханшинъ).

Въ Суйфунскомъ караулѣ стоитъ Забайкальская конная казачья сотня и находится одна изъ трехъ пограничныхъ за-

¹⁾ Поставленные въ скобкахъ за названіемъ пунктовъ цифры обозначаютъ въ саженьяхъ абсолютную высоту этихъ пунктовъ.

ставъ (Полтавская, Хунчунская и Верхнемонгугайская) Приморской Области. По свѣдѣніямъ этихъ заставъ результаты нашей торговли съ Маньчжуріей въ 1894 году выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: общая сумма вывоза отъ насъ въ Маньчжурію—358.986 р., а общая сумма ввоза къ намъ изъ Маньчжуріи 837.061 р. Главными предметами вывоза служатъ: ткани (дрель, бязь, сукно, ситецъ), желѣзо, керосинъ, спички, сахаръ, соль, рыба, морская капуста и олени рога; главными предметами ввоза: рогатый скотъ, лошади, овцы, свиньи, хлѣбъ въ зернѣ, бобы, мука, растительное масло, овощи, табакъ и друг. продукты сельскаго хозяйства ¹⁾).

Обслѣдованная нами часть государственной границы съ Китаемъ между 44 и 45 градусами сѣверной широты идетъ по направленію горнаго хребта, который, начинаясь на сѣверѣ между притоками рѣки Мурень и озера Ханка, извивается въ юго-западномъ направленіи служа водораздѣломъ бассейновъ Ханка и Мурень и доходить до верховьевъ р. Волюнки (Сяо-Суйфунъ) Суйфунскаго бассейна. Отсюда хребетъ принимаетъ направленіе *SO* 12° и почти по прямой линіи доходить до р. Суйфунъ, гдѣ круто поворачиваетъ на западъ и подъ именемъ хребта Ванъ-лун-гоу образуетъ горный узелъ, заполняющій своими отрогами все пространство между долинами рѣкъ Суйфунъ, Сяо-Суйфунъ (Волюнка) и Ба-дао-хэцза. Такимъ образомъ вся прилежащая часть китайской Маньчжуріи со стороны Россіи ограждена описаннымъ горнымъ хребтомъ, оставляющимъ открытымъ единственный путь по долиנѣ Суйфуна. Барометрическія изслѣдованія, сдѣланныя по хребту отъ Суйфуна на югъ до верховьевъ Волюнки, на сѣверѣ не обнаружили замѣтнаго общаго пониженія гребня хребта въ томъ или другомъ направленіи. Точно также неизмѣннымъ сохраняется на всемъ изслѣдованномъ протяженіи и характеръ склоновъ его. На востокъ и югъ хребетъ падаетъ круто скалистыми утесами. Болѣе или менѣе широкихъ и пологихъ долинъ—нѣтъ. Спуска-

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго Отчета г. Военнаго Губернатора Приморской области.

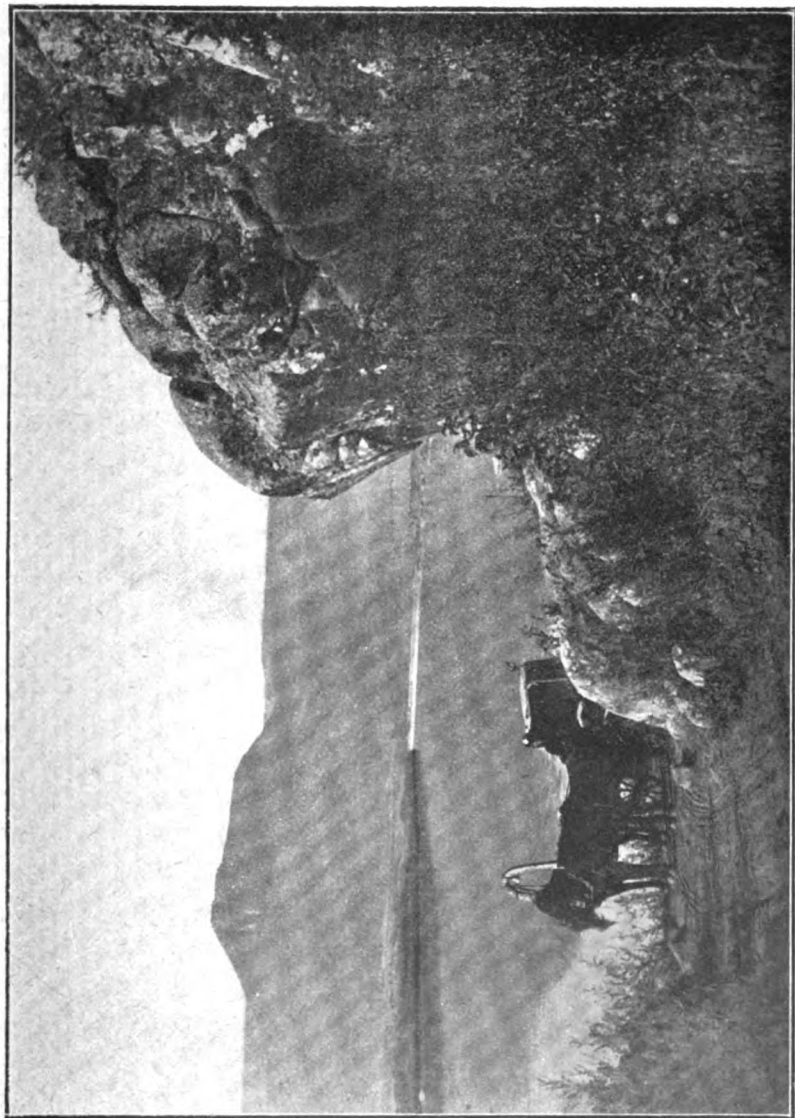
ющіяся съ хребта, по этимъ склонамъ, рѣки имѣють характеръ горныхъ ручьевъ, протекающихъ по дну глубокихъ и узкихъ ущелій съ крутыми скалистыми берегами, изрѣзанными глубокими расщелинами небольшой длины и очень большого паденія. По противоположнымъ же склонамъ хребта въ разныхъ направленіяхъ спускаются широкія пологія долины. По этимъ долинамъ мѣстами стоятъ кочковатыя болота, мѣстами сбѣгаютъ ручьи, образуя сліяніемъ горныя рѣчки, которыя далѣе, извиваясь по дну долинъ, между отвѣсныхъ скалистыхъ утесовъ, текутъ, направляясь радіально, къ соединенію рѣкъ Во-лынки и Ба-цао-хещ-зы.

Болѣе пониженныя сѣдловины хребта находятся въ сѣверной его половинѣ, въ верховьяхъ притоковъ рѣки Мо.

Изъ нихъ самый низкій (229) находится въ верховьѣ среднего притока рѣки Та-хэ-яжъ, впадающей въ Мо. Отсюда на Западъ спускаются пологія распадки долины. Широкая падь, впадающей въ Ба-дао-хе-щзу, а на Востокъ—притокъ рѣки Та-хэ-яжъ съ скалистыми берегами, бугристаго характера, разрѣзанными узкими ущельями.

Паденіе дна этой долины, на первой верстѣ, составляетъ $37\frac{1}{2}$ саж., а на слѣдующихъ шести верстахъ, въ среднемъ, по 9,94 сажени на версту. Въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ на сѣверъ отъ этой сѣдловины расположена другая сѣдловина (263,60) въ верховьяхъ притоковъ тѣхъ же рѣкъ, и того же характера какъ и предыдущая, а еще сѣвернѣе расположена сѣдловина (241,85). На западъ къ ней подходит вершина широкой пади, а на востокъ отъ нея спускается сѣверный притокъ Та-хэ-яжа. Обѣ эти рѣчки въ томъ же родѣ, какъ и предыдущія, но съ еще болѣе рѣзко выраженнымъ крутымъ паденіемъ дна и характеромъ скалистыхъ береговъ.

На югъ отъ описаннаго перваго перевала (229) расположены слѣдующія сѣдловины: въ сѣверной вершинѣ рѣчки Кордонки (Надеждинская Люмоза-хэ) (348,25), въ южной вершинѣ той же рѣчки (330,90) и въ вершинѣ р. Та-се-хэ 326,91). Вблизи послѣдней сѣдловины расположена другая—(286), отъ которой на востокъ сбѣгаетъ глубокое и узкое скалистое ущелье—Дальня

Суйфунъ выше д. Сенельниковой.

Тополевая падь, впадающая въ Патахэцзу, а на западъ пологія распадки Березовой пади, впадающей въ Ба-дао-хэ-цзу. У этого перевала, отдѣляясь отъ пограничнаго хребта и направляясь на востокъ, выходитъ изъ Китая въ наши предѣлы главная ось береговаго хребта Сухото-Алинъ, который, опоясывая весь Южно-Уссурійскій край и рѣзко опредѣляя и топографическій характеръ и климатическія особенности этого края, вдоль береговъ Японскаго моря, достигаетъ устья Амура. Главный кряжъ этого хребта, образующаго здѣсь водораздѣлъ бассейновъ озера Ханка и рѣки Суйфунъ, послѣ мѣстнаго пониженія съ мягкимъ легко доступнымъ рельефомъ на протяженіи сорока верстъ вдоль рѣчки Са-хэ-зы, гдѣ онъ пересѣкается Уссурійской желѣзной дорогой, достигаетъ далѣе высоты 500—600 сажень. Положеніе разсматриваемой нами сѣдловины Пограничнаго Русско-Китайскаго хребта, у пересѣченія двухъ хребтовъ, ставить ее въ особые условія по сравненію съ другими. Глубокія скалистыя ущелья, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзывающія склоны хребтовъ, высокія сопки командно стоящія по гребнямъ, и узкія сѣдловины, по которымъ, сближаясь, почти касаются вершинами верховья рѣкъ разныхъ бассейновъ, придаютъ разсматриваемому району очень сложный топографическій характеръ. Южнѣе расположенныя сѣдловины Пограничнаго хребта, въ верховьяхъ притоковъ Па-та-хэцзы: Ближняя Тополевая (300) и Золотая (293), равно какъ и всѣ остальные сѣдловины его, различаясь по высотѣ, имѣютъ, по удобству подходовъ къ нимъ, совершенно сходный характеръ: узкія, глубокія, скалистыя ущелья съ почти отвѣсными берегами и крутымъ паденіемъ дна, со стороны Россіи и пологія широкія долины—со стороны Маньчжуріи. Въ китайской части Золотой пади производится хищниками тайная промывка золота въ такомъ, впрочемъ, количествѣ, что едва окупаетъ трудъ хищниковъ.

На югъ отъ Суйфуна граница, какъ сказано раньше, идетъ по притоку его Уша-гоу.

Въ Суйфунскомъ караулѣ мы познакомились съ подъесауломъ М. Ловцовымъ, рѣшившимся въ сопровожденіи двухъ казаковъ сопутствовать намъ на нѣкоторое разстояніе за-границу.

25 Сентября прїѣхалъ въ Полтавскую г. Мосинъ. Изъ привезеннаго имъ разъясненія вышеприведенной телеграммы Генерала Унтербергера выяснилось, что обстоятельства, вызвавшія остановку нашего выѣзда за-границу, заключались въ дипломатической перепискѣ нашего посланника въ Пекинъ съ китайскими министрами, возникшей по совершенно особому поводу и лишь совершенно случайно совпавшей по времени съ нашимъ выѣздомъ; по этому обстоятельства эти и не могли быть ранѣе предъусмотрѣны. Въ заключеніе Генераль Унтербергеръ извѣщалъ меня, что онъ просилъ Генерала Гродекова обратиться по телеграфу къ нашему посланнику о скорѣйшемъ вырѣшеніи вопроса нашего выѣзда за границу и предлагалъ мнѣ для ускоренія дѣла сноситься непосредственно съ Генераль-Губернаторомъ, чѣмъ я и воспользовался.

Съ Мосинымъ въ Полтавскую прибылъ, съ любезнымъ намѣреніемъ проводить насъ черезъ границу, Полковникъ Э. П. Берновъ Начальникъ Кавалеріи Уссурійскаго края и завѣдывающій нашими пограничными караулами. Въ тотъ же день Мосинъ поѣхалъ въ пограничный китайскій городъ Саи-ча-коу (8½ верстъ отъ Полтавской) къ начальствующему тамъ китайскому чиновнику Джао-кен-цзюй (должность соотвѣтствующая нашему исправнику) съ цѣлью передать ему наши привѣтствія и визитныя карточки, а также предупредить его о нашемъ посѣщеніи на слѣдующій день. По тому какъ встрѣтить насъ Джао-кен-цзюй, можно было въ извѣстной степени заключать о томъ на какія отношенія вообще мы могли рассчитывать за-границей, поэтому я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Мосина. Оказалось, что Мосинъ былъ любезно принятъ Джао-кен-цзюемъ, до котораго уже раньше дошли слухи объ насъ; что отъ своего начальства онъ не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій, но добродушно полагаетъ, что вѣроятно по этому вопросу, между высшимъ начальствомъ, были сдѣланы соотвѣтственныя сношенія, и, онъ лишь по отдаленности не успѣлъ еще получить извѣщенія. Джао-кен-цзюй прислалъ намъ свою визитную карточку изъ красной бумаги, на которой крупными іероглифами отпечатано его имя Цюй-цзо-инъ и приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ.

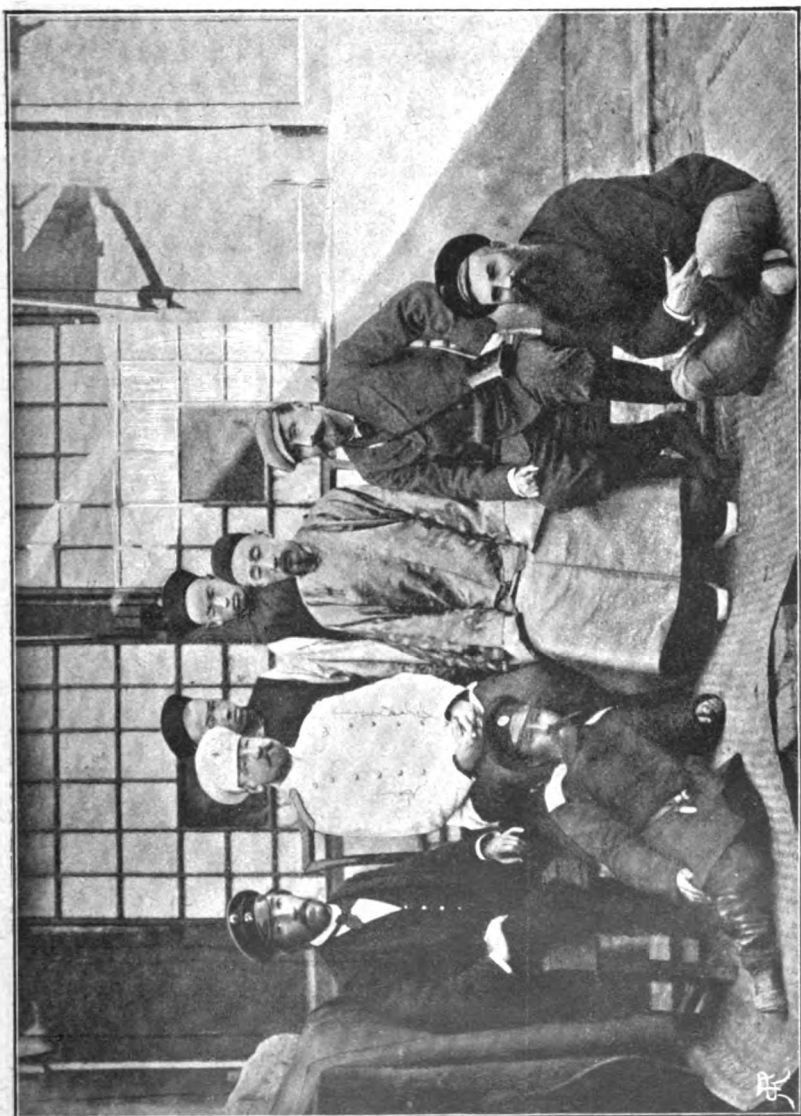
На другой день, около полудня, я съ гг. Тенчинскимъ, Берновымъ, Ловцевымъ и Мосинымъ, на двухъ тройкахъ въ сопровожденіи двухъ конныхъ казаковъ, подъѣзжали къ Сан-ча-коу. Городъ основанъ около 1882—1883 года заботами китайскаго правительства и имѣть, въ настоящее время, около 300 домовъ, деревянную кумирню и нѣсколько лавокъ съ товарами для китайскаго рабочаго: обувь, платье, табакъ, сахаръ и проч. На ровномъ мѣстѣ сгруппированы городскія строенія. Вдоль узкихъ улицъ тянутся высокіе заборы. Здѣсь мы видѣли исключительно мужское взрослое населеніе. Пограничный районъ Китайской Маньчжуріи до сихъ поръ не успѣлъ еще приобрести правъ гражданственности и потому женщины и дѣти представляютъ въ немъ большую рѣдкость.

Кромѣ торговыхъ помѣщеній, построенныхъ вродѣ нашихъ базарныхъ лавочекъ съ разборною лицевой стѣной на улицу, всѣ остальные строенія, общепринятаго въ странѣ типа фанзовыхъ построекъ, расположены внутри дворовъ. Противъ воротъ у задней стороны двора обыкновенно стоитъ домъ-фанза съ деревянными стѣнами, землянымъ поломъ и соломенной или черепичной крышей, съ изогнутымъ конькомъ. Потолокъ не составляетъ необходимой принадлежности фанзы. Въ планѣ фанза представляетъ прямоугольникъ, раздѣленный обыкновенно тонкими поперечными переборками на три помѣщенія. По срединѣ лицевой стѣны устроены двери, а по обѣ стороны двери почти во всю остальную длину стѣны тянутся окна, начинающіяся на такой же высотѣ отъ полу, какъ и въ нашихъ домахъ и доходящія до потолка. Окна состоятъ изъ тонкихъ квадратныхъ рамъ около двухъ аршинъ въ сторонѣ, раздѣленныхъ на маленькіе 5—6 вершковъ въ сторонѣ шибки заклеенныя промасляной бумагой. Въ остальныхъ трехъ наружныхъ стѣнахъ фанзы отверстій нѣтъ. Печей въ фанзахъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ каналы,—особаго устройства лежанки, шириною около 2½ аршинъ и высотой надъ поломъ около ¾ аршина, идущія вдоль обѣихъ продольныхъ стѣнъ и занимающія обыкновенно двѣ трети площади фанзы, тогда какъ остальная треть представляетъ проходъ между ними. Каналы обыкновенно

покрываются камышовыми циновками. Такими же циновками не рѣдко устилають и полъ. На канахъ спать, обѣдаютъ и работаютъ. Въ средней части фанзы со входными дверями по срединѣ лицевой стѣны устроенъ очагъ съ вмазанными котлами; эта часть фанзы служить и сѣнями и кухней. Продукты горѣнія, изъ кухоннаго очага, а также изъ особо устроенныхъ для кановъ топокъ проводятся по длиннымъ горизонтальнымъ ходамъ подъ канами, обогрѣвая ихъ, и выводятся въ вертикальную дымовую трубу, поставленную на дворѣ, внѣ зданія. При этомъ каны нагрѣваются до такой степени, что, покрывающія ихъ циновки иногда обугливаются. Кромѣ кухоннаго очага въ фанзахъ всегда есть маленькій, въ большинствѣ переносный, очагъ, для разогрѣванія чаю. Дымъ съ этого очага распространяется прямо по комнатѣ. Не смотря на большую площадь стѣнки, занятую окнами, и большой объемъ обогрѣвательныхъ приборовъ,—въ фанзахъ обыкновенно темно, холодно и чадно.

Городъ Сая-ча-коу имѣетъ нѣкоторое торговое значеніе, определяемое его пограничнымъ положеніемъ; черезъ него производится обмѣнъ товаровъ между Уссурійскимъ краемъ и Нингутинскимъ райономъ. Однако его участіе въ этой торговлѣ ничтожное, такъ какъ всѣ товары проходятъ черезъ него транзитомъ. Только грузы прибывшіе къ границѣ на тяжелыхъ двухколесныхъ арбахъ въ 5—6 лошадей, которыхъ къ намъ не пропускаютъ во избѣжаніе порчи мостовъ и дорогъ, перегружаются здѣсь на русскія четырехколесныя тележки.

Цзюй-цзо-инъ занимаетъ помѣщеніе состоящее изъ двухъ дворовъ, соединенныхъ между собою и съ улицей широкими воротами, расположенными другъ противъ друга. Надъ воротами устроены навѣсы характерной формы китайской кровли. По обѣимъ сторонамъ наружныхъ воротъ вывѣшены доски съ надписями разныхъ объявленій и правилъ. Подъ навѣсомъ первыхъ воротъ, гдѣ обыкновенно производится гласный судъ, направо и налево вдоль стѣнъ разставлены традиціонныя китайскія бамбуковыя палки. На самомъ дѣлѣ онѣ сдѣланы изъ

Въ гостяхъ у Цюй-цзо-инъ.

мѣстнаго дерева съ округленной рукояткой и плоскимъ стержнемъ въ $1\frac{1}{2}$ вершка. Иногда отдѣлка ихъ претендуетъ на изящество, а плоская поверхность выглажена продолжительнымъ употребленіемъ въ дѣло. Противъ воротъ по срединѣ двора установлень четырехъугольный, деревянный черный щитъ, размѣрами превосходящій ворота и такимъ образомъ закрывающій, при открытыхъ воротахъ, видъ съ улицы на внутренность двора. На второмъ дворѣ расположены двѣ фанзы, изъ которыхъ одна служить кухнею, а другая помѣщеніемъ хозяина. Цюй-цзо-инъ встрѣтилъ насъ на дворѣ. Это высокаго роста худощавый китаецъ, лѣтъ пятидесяти, съ симпатичнымъ лицомъ и усами того типа, по которому европейцы рисуютъ всѣхъ китайцевъ на одно лицо и который на самомъ дѣлѣ далеко не такъ часто встрѣчается между китайцами. Его шапка была украшена цвѣтнымъ стекляннымъ шарикомъ величиною нѣсколько меньше голубинаго яйца. Познакомившись и привѣтливо поздоровавшись съ нами за руку, Цюй-цзо-инъ пригласилъ насъ въ фанзу. Здѣсь на право отъ сѣней расположена квадратная комната, замѣняющая пріемную. На двухъ канахъ у продольныхъ стѣнъ фанзы постланъ красный кумачъ и поставлены четырехъугольные столики на низкихъ, вершковъ въ шесть, ножкахъ. На шкафикѣ, между канами,—столовые часы, китайскій компасъ, въ которомъ магнитная стрѣлка подвѣшена на шелковинкѣ и др. предметы, между которыми меня заинтересовала книга съ географическими картами Маньчжуріи и съ пояснительнымъ текстомъ. Способъ изображенія мѣстности дѣтски наивный: горы и лѣса представлены въ профиль и не видно даже никакого стремленія къ сохраненію масштаба. Эти современныя китайскія карты напоминаютъ намъ старинныя чертежи, составлявшіеся по наказу Московскихъ царей на основаніи распросныхъ свѣдѣній. На стѣнахъ развѣшены длинные бумажные листы съ написанными на нихъ изрѣченіями,—обыкновенное у китайцевъ украшеніе стѣнъ.

Едва мы успѣли съ канахъ, какъ намъ разнесли чай и, оставшіеся стоять у дверей, слуга съ чайникомъ постоянно

наполняли опорожнявшіяся чашки. Начались разговоры: о здоровьи, о взаимномъ удовольствіи познакомиться, о благоприятной для путешествія погодѣ и тому подобныхъ безсодержательностяхъ, ни однимъ словомъ не упоминая о цѣли и направленіи нашего пути, въ чемъ выразилась тонкость китайской дипломатіи. Въ такомъ родѣ разговоры продолжались около получаса и этимъ закончилась, такъ сказать, официальная часть визита. Затѣмъ мы попросили хозяина снять его форменную шапку, что онъ сейчасъ исполнилъ, замѣнивъ ее обыкновенной китайской черной шелковой шапочкой безъ шарика, составлявшего знакъ его чиновнаго отличія. Цзюй-цзо-инъ жилъ здѣсь одинъ безъ семьи, которую онъ, какъ и другіе мѣстные китайцы, боялся привезти сюда раньше. Теперь-же, находя, что спокойствіе и порядокъ въ краѣ достаточно обезпечены, ожидалъ на дняхъ ея прибытія. Онъ очень охотно позировалъ передъ фотографическимъ аппаратомъ, участвуя въ нашей группѣ.

Обѣдали мы, размѣстившись безъ мебели, кто какъ умѣлъ на канѣ вокругъ низенькаго стола, уставленнаго фарфоровыми чашками съ кушаньями. Мы ѣли ножами и вилками, тогда какъ хозяинъ обходился двумя костяными палочками. Мосинъ также предпочелъ палочки и очень ловко дѣйствовалъ ими. Вообще онъ чувствовалъ себя, въ этой обстановкѣ, какъ рыба въ водѣ. Ыль онъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему это все очень правилось и насъ пріохочивалъ къ ѣдѣ. Мы же относились къ этому обѣду больше какъ къ опыту и ѣли ни для того чтобы насытиться, а для того только, чтобы испробовать вкусъ невѣдомыхъ кушаній. Подковникъ Берновъ, имѣвшій случай раньше ознакомиться съ китайской кухней, относился къ ней съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. «Ъште все», говорилъ онъ, «но, ради Бога, не спрашивайте изъ чего это приготовлено, иначе вы рискуете потерять аппетитъ. Вамъ укажутъ тутъ кушанья приготовленныя изъ бараньихъ глазъ и изъ чего-нибудь еще худшаго». Но мы ѣли не испытывая ни малѣйшей брезгливости и находя все вкуснымъ. Переѣвъ было много и каждая состояла изъ нѣсколькихъ

кушаній, въ составъ которыхъ входили: наръзанная ломтиками вареная свинина, курица и рыба, куриныя яйца, разные овощи, рисъ, прозрачная китайская вермишель, трепанги ¹⁾, грибы (древесные) и проч. Нѣкоторыя чашки, поданныя въ самомъ началѣ обѣда, оставались на столѣ до конца, давая возможность возвращаться къ нимъ послѣ другихъ кушаній. Въ числѣ приправъ былъ поданъ, между прочимъ, зеленый чеснокъ, приготовленный въ видѣ соуса. Большинство кушаній заправлено соями пріятнаго вкуса, но, для русскаго, китайскій обѣдъ имѣетъ два существенныхъ недостатка: все приготовлено безъ соли и нѣтъ хлѣба. Только въ самомъ концѣ обѣда подали совершенно прѣсныя пшеничныя булочки, вареныя на пару. Обѣдъ заканчивалъ супъ-бульонъ, а послѣднимъ блюдомъ былъ поданъ совершенно прѣсный вареный рисъ. Кушанья запиваютъ, изъ маленькихъ чашечекъ, крошечными глотками, подогрѣтой китайской водки, а также какую-то зеленоватой цѣлебной настойкой. Винограднаго вина въ Китаѣ не дѣлаютъ, но пьютъ при случаѣ охотно.

Одна изъ особенностей китайскаго обѣда состоитъ въ томъ, что онъ, утоляя голодъ, совсѣмъ не обременяетъ желудокъ.

Въ концѣ обѣда бесѣда смѣнилась игрою хозяина съ г. Мосинымъ въ «ига-лянча». Игра эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ выкрикивая: ига (одинъ), лянча (два), санча (три) и т. д., каждый разъ открываетъ на сжатой въ кулакъ рукѣ соотвѣтственное число пальцевъ и выставляя ихъ передъ лицомъ партнера, который одновременно съ нимъ, повторяетъ то же самое. Однако первый игрокъ, начиная съ ига, лянча... далѣе ведетъ счетъ не по порядку, а перескакиваетъ черезъ нѣсколько цифръ, чѣмъ ста-

¹⁾ Морскія моллюски. Въ приготовленномъ видѣ, по формѣ, онѣ напоминаютъ гусеницъ, величиною съ мизинецъ, по цвѣту и консистенціи — коричневую резинку. Вкусъ ихъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ приправъ. Ихъ добываютъ у нашихъ береговъ Японскаго моря съ глубины до 15 сажень, причемъ въ послѣднее время стали примѣнять водолазные аппараты. Пойманныхъ трепанговъ варятъ въ морской водѣ, затѣмъ очищаютъ отъ внутренностей и раскладываютъ для просушки. Стоимость пуда трепанговъ отъ 15 до 80 рублей.

рается сбить противника, который слѣдую за нимъ долженъ угадывать и одновременно съ первымъ называть цифру и выставлять соотвѣтственное число пальцевъ. Въ случаѣ удачнаго совпаденія проигрываетъ первый, а въ случаѣ неудачи — второй. Проигравшій принуждается выпить водки.

Послѣ обѣда мы начали прощаться съ Цзюй-цзо-инъ, который не только не находилъ препятствій къ нашему движенію черезъ границу, но предложилъ даже дать намъ, для сопровожденія, китайскихъ солдатъ и обѣщалъ на другой день въ 10 часовъ утра сдѣлать намъ визитъ въ Полтавской. По поводу послѣдняго я долженъ былъ выразить свое сожалѣніе, что не буду имѣть удовольствія принять его у себя, такъ какъ въ 6 часовъ утра мы уже собираемся выѣхать изъ Полтавской. «Ну, вы такъ рано не выѣдете», увѣренно сказалъ онъ и, какъ потомъ оказалось, увѣренность его имѣла основаніе. Прощаясь Цзюй-цзо-инъ еще разъ сказалъ, что онъ завтра, въ 10 часовъ увидится съ нами и проводивъ насъ до того мѣста двора, куда выходилъ встрѣчать, расстался съ нами. Въ этомъ, очевидно соблюдалось правило церемоніала.

Въ близи границы, на китайской сторонѣ расположенъ китайскій военный караулъ, начальникъ котораго — офицеръ. Проѣзжая мимо него на обратномъ пути изъ Санъ-ча-коу, я колебался: заѣхать или не заѣхать къ этому офицеру? Но подъ вліяніемъ мнѣнія моихъ военныхъ спутниковъ, у которыхъ на этотъ счетъ могли быть свои спеціальныя основанія мы, минуя караулъ, проѣхали прямо въ Полтавскую. Изъ Полтавской я отправилъ съ нарочнымъ заранее приготовленные подарки для Цзюй-цзо-инъ и для Начальника караула. Возвратившійся нарочный привезъ мнѣ визитныя карточки и переданную на словахъ благодарность этихъ господъ. При этомъ Начальникъ караула передавалъ, что онъ меня ждалъ и обиженъ тѣмъ, что я къ нему не заѣхалъ. Вечеромъ этого дня насъ постигла неудача; случилась, хотя и обыкновенная, но очень непріятная въ путешествіи задержка. Панятія въ Санъ-ча-коу, для дальнѣйшаго передвиженія нашего груза, подводы не пришли въ условлен-

ное время. Посланный нарочный привезъ извѣстіе, что онѣ сейчасъ пріѣдутъ. Но онѣ не пришли и къ ночи, не было ихъ и на другой день утромъ, когда мы распростившись съ возвращавшимся въ Никольское Полковникомъ Берновымъ и отстоявъ напутственную молитву мѣстнаго священника, совсѣмъ готовые въ путь въ досадномъ нетерпѣніи не знали чѣмъ наполнить время ожиданія.

Но вотъ ровно въ 10 часовъ къ нашей квартирѣ подъѣхала группа всадниковъ; это были Цзюй-цзо-инъ со свитою. Я его встрѣтилъ за крыльцомъ. Разговоръ начался благодарностью за присланные подарки. Когда я упомянулъ о неисправности нашихъ подводчиковъ, Цзюй-цзо-инъ сказалъ, что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе и подводы сейчасъ пріѣдутъ. Вскорѣ къ нашей квартирѣ подскакала другая группа всадниковъ, сопровождавшая Начальника пограничнаго Хубтускаго караула Дэ-лунъ. У нижнихъ чиновъ сверхъ обыкновеннаго синяго китайскаго костюма надѣто нѣчто вродѣ безрукавки съ застежками по бокамъ, подъ руками, сшитой изъ бѣлой матеріи съ обшивкой по краямъ изъ полосы чернаго плиса и съ нашитыми на ней изъ плиса-же вырѣзанными крупными іероглифами. Дула ружей замкнуты кусками краснаго кумача, который при быстротѣ движеній всадника развѣвается въ видѣ флачка. Солдаты имѣли не свойственный китайцамъ (это были маньчжуры) молодцоватый видъ и отличались ловкостью движеній. Дэ-лунъ, тоже маньчжуръ, одѣтый, въ отороченномъ мѣхѣ, верхнемъ кафтанѣ, напоминающемъ женскую кофту и въ мѣховой шапкѣ съ цвѣтнымъ стекляннымъ шарикомъ, скрывалъ подъ этимъ, нѣсколько неуклюжимъ, костюмомъ характерныя черты Марса. Онъ вошелъ очень развязно, говорилъ грубымъ голосомъ и громко смѣялся, представляя рѣзкій контрастъ съ манерами и скромнымъ видомъ Цзюй-цзо-инъа. Черты лица также у него болѣе грубыя. При появленіи Дэ-лунъа, Цзюй-цзо-инъ всталъ и между ими начался обмѣнъ китайскихъ привѣтствій съ присѣданіями, напоминающими реверансы нашихъ интитутѣкъ и взаимныя приглашенія сѣсть раньше и на болѣе удобное мѣсто.

Эти препирательства деликатности и взаимныхъ уступокъ разрѣшились тѣмъ, что они оба сѣли разомъ и рядомъ. Мы ихъ угощали шампанскимъ и когда послѣднее запѣнилось въ стаканахъ, Цзюй-цзо-инъ прежде чѣмъ пить освѣдомился: не изъ молока ли оно приготовлено? Китайцы не пьютъ молока и не знаютъ молочнаго хозяйства. Въ это время явились наконецъ наши подводы, которыя, какъ я сильно подозреваю, были умышленно задержаны въ Сан-ча-коу мѣстными начальниками, которые теперь были нашими гостями. Этотъ визитъ длился не долго. Проводивъ гостей, мы поспѣшно начали грузить подводы и заканчивая сборы торопиться выступленіемъ.

Послѣ полудня при ясной теплой погодѣ мы выступаемъ изъ Полтавской верхами въ сопровожденіи конвоируемаго казаками обоза. За станицей переѣзжаемъ небольшой ручей и далѣе направляясь правымъ берегомъ долины Суй-фуна ѣдемъ хорошо накатанной дорогой по ровной и лишь мѣстами покрытой мелкимъ кустарникомъ мѣстности, общій обзоръ топографіи котораго сдѣланъ уже нами издали съ возвышенности передъ Полтавской. Минуемъ Суйфунскій караулъ и подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Ушагоу недалеко отъ впаденія ея въ Суйфунъ. Мы на границѣ Россіи и Китая.

Раздѣляющая ихъ рѣка шириною тридцать сажень съ низкими обрывистыми берегами—легко переходима въ бродъ.

Съ пограничнаго китайскаго караула высылаются для сопровожденія насъ четыре китайскихъ солдата. Два изъ нихъ должны идти съ нами до Нингуты, а два должны смѣниться на ближайшемъ караульномъ посту. За границей вскорѣ начинаются обработанныя поля. Вдали показываются группами и въ одиночку разбросанныя фанзы, хотя людей еще не встрѣчаемъ. Но вотъ у дороги, среди припыленныхъ колосьевъ созрѣвшей нивы, дѣлаетъ слабыя движенія фигура человѣка, изуродованная проказою. Покрытое рубцами лицо, обнаженные, какъ у скелета, оскаленные зубы и чернящее отверстие вмѣсто носа—вызываютъ чувство отвращенія и страха, которое борется съ чувствомъ состраданія подъ впе-

чатлѣніемъ взгляда уroda съ застывшимъ выраженіемъ мольбы умирающаго безсловеснаго животнаго. Чья сердобольная рука поддерживаетъ существованіе отверженнаго и охраняемый какой иллюзіей теплится огонекъ его жизненной энергіи? Ёдущій рядомъ со мною докторъ Тенчинскій внимательно выглядывается въ него и мы на рысяхъ проѣзжаемъ. Минуемъ расположенный на пригоркѣ гончарный заводъ съ производствомъ черепицы темно-сѣраго цвѣта ¹⁾ и ѣдемъ между полями, засѣянными пшеницей, овсомъ, ячменемъ, кукурузой, но чаще всего разными видами проса, между которыми первенствующее мѣсто занимаетъ гаолянъ, не прихотливый на почву и дающій обильные урожаи. Различаютъ нѣсколько сортовъ гаоляна. Обрушенное зерно его, въ видѣ очень мелкаго пшена, идетъ въ пищу людямъ, составляя у китайцевъ существенный пищевой продуктъ, замѣняющій рисъ. Въ зеленомъ видѣ гаолянъ служить прекраснымъ кормомъ для скота. Приготовленные въ видѣ сѣчки зеленые стебли его и метелки съ жадностью поѣдаются даже непріученными къ нему лошадьми и, насколько можно судить по нашему краткому опыту, могутъ въ извѣстной степени замѣнять овесъ. Въ сухомъ видѣ толстые и жесткіе стебли гаоляна идутъ на устройство кровель. Срѣзанные стебли гаоляна въ теченіи лѣта вновь отрастаютъ. Зерно зрѣлаго гаоляна крѣпко держится въ метелкѣ и потому запоздавшая уборка не влечетъ за собою потери его. Изъ гаоляна китайцы готовятъ водку—сули (ханшинъ), ввозъ которой въ русскіе предѣлы запрещенъ. Однако, не смотря на это, благодаря дешевизнѣ (около 20 коп. бутылка), она имѣетъ довольно значительное распространеніе въ Южно-Уссурийскомъ

¹⁾ Цѣна на заводѣ 5 р. 17 коп. за тысячу. Сѣрый цвѣтъ сообщается китайцами черепицѣ и кирпичу особымъ процессомъ при обжигѣ, который состоитъ въ томъ, что по окончаніи обжига, въ печь наливается нѣкоторое количество воды, послѣ чего всѣ отверстія въ печи замазываются глиною и кирпичъ нѣкоторое время выдерживается на пару. Примѣненіе этого способа требуетъ опытности. Не всѣ печи выходятъ удачными. Случается, что кирпичъ получается рыхлымъ или растрескавшимся. Сѣрый кирпичъ вообще слабѣе хорошаго краснаго кирпича, но онъ украшаетъ кладку нештукатуренныхъ фасадовъ.

краѣ, между инородческимъ и русскимъ населеніемъ. Сулевые заводы въ окрестностяхъ Санъ-ча-коу, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ, имѣютъ цвѣтушій видъ. На этихъ заводахъ обыкновенно держатъ много свиней, которыхъ откармливаютъ бардою и затѣмъ цѣлыми стадами гонятъ къ намъ черезъ границу.

Санъ-ча-коу остается у насъ влѣво; мы ѣдемъ ближе къ Суйфуну. На право и на лѣво, среди засѣянныхъ полей, разбросаны фанзы группами по 2—3 и болѣе вмѣстѣ, въ видѣ фермъ. Значительность обработанныхъ около фермъ полей и обстоятельно обстроенные хозяйственными постройками дворы и большіе запасы сложенныхъ осенью въ скирды хлѣбовъ — указываютъ на успѣшное развитіе здѣсь хлѣбопашества. Кромѣ хлѣбопашества мѣстное населеніе занимается производствомъ кирпича, славомъ лѣса по Суйфуну съ верховьевъ его въ наши предѣлы и обжигомъ извести у устья рѣки Хып-дао-хэ ¹⁾).

Въ 17 верстахъ отъ Полтавской проѣзжаемъ осыпшіе валы древняго землянаго укрѣпленія и далѣе въ 5 верстахъ, близъ рѣки, опять слѣды небольшого укрѣпленія — послѣдняго при слѣдованіи вверхъ по Суйфуну. Здѣсь оканчивается культурная часть Суйфунской долины и слѣды древней исторической жизни. Далѣе по Суйфуну встрѣчаются лишь разбросанныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга одинокія фанзы съ клочками обработанной земли.

Мы подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Суйфунъ; на противоположномъ лѣвомъ берегу ея — фанза перевозчика и двѣ большія лодки, на которыхъ переправляются во время половодья. Видя наше недоумѣніе передъ преградившей намъ путь рѣкою, перевозчикъ съ противоположнаго берега началъ намъ что-то кричать и усиленно жестикуюлирую указывать направленіе внизъ по рѣкѣ, слѣдуя которымъ мы вскорѣ опредѣлили мѣсто брода и переправились на лѣвый берегъ Суйфуна. Теченіе очень быстрое, дно ровное, покрытое галькою. Ширина рѣки семьдесятъ сажень, глубина до 0,40 сажени. Переправившись черезъ Суй-

¹⁾ Въ Полтавѣ 1 аршино-вершокъ бревна листовницы стоитъ 5 коп., одинъ пудъ извести — 40 коп.

фунъ ѣдемъ поперекъ долины его по направленію ручья Ван-лун-гоу-хэ, подымаясь къ подошвѣ хребта того же имени.

Темнѣть. Мы подъѣзжаемъ къ фанзѣ Даинъ (68) первой отъ Суйфуна и останавливаемся на ночлегъ. Здѣсь мы провели нѣсколько дней и успѣли присмотрѣться къ мѣстной жизни. Фанза Даинъ одна изъ старѣйшихъ въ китайской долинѣ Суйфуна. Здѣсь находили временной пріютъ и мѣсто для сбыта добычи искатели женъ-шеня, дубовыхъ грибовъ и проч., а также охотники, золотопромышленники и представители болѣе рискованныхъ профессій. Ея положеніе вблизи хищническаго золотого прииска, раньше не рѣдко дававшего счастье нищимъ промышленникамъ, способствовало обогащенію ея хозяевъ. Теперешній хозяинъ, послѣ истощенія приисковъ и водворенія въ этой мѣстности китайскаго управленія и культуры, держать заѣзжій дворъ, занимается хлѣбопашествомъ и ведетъ торговлю съ Никольскомъ. Близъ фанзы большая площадь занята пашнями; преобладаютъ посѣвы пшеницы. Мѣсто для пашни удобное и урожаи бываютъ хорошіе. За высокой оградой расположенъ дворъ, на которомъ стоятъ три фанзы. Прямо противъ воротъ—фанза раздѣленная на три части: по срединѣ—кухня, на лѣво—помѣщеніе для посѣтителей, на право—для хозяевъ. У правой стѣны двора — фанза съ помѣщеніемъ для школы. Внѣшняя картина приемовъ обученія такая же, какъ и въ мусульманскихъ школахъ Западной Азіи. Размѣстившись на посланныхъ по полу циновкахъ, ученики, раскачиваясь корпусомъ, всѣ одновременно, громко долбятъ, выкрикивая заданный урокъ. Этотъ крикъ разносится по всему двору фанзы. У лѣвой стѣны двора расположена фанза съ помѣщеніемъ для работниковъ 30—50 человекъ. Тутъ же мукомольня съ приводомъ, въ которомъ нигѣмъ не погоняемый покорно совершаетъ движеніе по кругу маленькій осель съ завязанными глазами. Зерновой хлѣбъ хранится въ плетеныхъ изъ ивы помѣщеніяхъ, представляющихъ большія круглыя корзины, поставленныя подъ соломенной конической кровлей и обмазанныя глиной.

Фанза Даинъ отличаясь сравнительнымъ богатствомъ, по характеру жизни въ ней, представляетъ общій типъ видѣнныхъ

нами въ странѣ фанзъ, какъ расположенныхъ при дорогѣ постоянныхъ дворовъ, такъ и разбросанныхъ по тайгѣ уединенныхъ притоновъ бродячихъ промышленниковъ.

Днемъ, обыкновенно, въ фанзахъ пусто, но вечеромъ, при мигающемъ свѣтѣ чаднаго маслянаго свѣтильника, онѣ оживляются. По серединѣ фанзы на очагѣ грѣтся чай. На теплыхъ канахъ, вдоль стѣнъ, располагаются группы посѣтителей, исключительно мужчинъ. Здѣсь, усѣвшись вокругъ маленькихъ столиковъ на низкихъ ножкахъ, ѣдятъ, попивая маленькими глотками подогрѣтую водку; тамъ играютъ въ азартныя игры — карты и кости, или, собравшись группою у очага и обнажившись до пояса, занимаются ловлею беспокойныхъ насѣкомыхъ и оживленно бесѣдуютъ. Между отдѣльными группами на канахъ лежатъ на боку, подогнувъ колѣпи, истощенныя фигуры, безучастныхъ въ окружающему, курильщиковъ опиума, со сгорбленной спиной, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лица и апатичнымъ безжизненнымъ выраженіемъ глазъ. У самаго изголовья курильщика чадитъ маленькій огонекъ масляной лампочки для постоянного раскуриванія курительнаго аппарата. Къ ночи фанза наполняется чадомъ и вонью. Возбужденный говоръ продолжается за полночь, перемеживаясь съ храпомъ ночлежниковъ. Вообще ночью фанзы имѣютъ видъ отвратительнаго грязнаго вертепа. Однако, не смотря на неприглядность описанной обстановки, каждая фанза, здѣсь среди дикой природы, имѣетъ большое значеніе для края, какъ обжитое человѣкомъ мѣсто въ тайгѣ и какъ убѣжище отъ гнуса и непогоды.

Отъ фанзы Даинъ вверхъ по Суйфуну долина его быстро суживается, почти до ширины рѣки подступившими отрогами прибрежныхъ горныхъ хребтовъ. Далѣе, извиваясь между горъ, она имѣетъ видъ глубокой горной долины съ высокими скалистыми берегами, то расширяющейся до нѣсколькихъ сотъ сажень, то узкимъ ущельемъ прорывающейся между скалистыхъ утесовъ. По дну долины, подмывая то правый, то лѣвый берегъ ея, по гравелистому руслу съ шумомъ пробѣгаетъ горная рѣка. Рѣдкій лиственный лѣсъ покрываетъ окрестныя возвышенности. Горы-

зонть даже съ возвышенныхъ точекъ со всѣхъ сторонъ замыкается гребнемъ высокихъ хребтовъ. Такой характеръ долина Суйфуна сохраняетъ до Сяо-Суйфуна. На всемъ протяженіи отъ ручья Ван-лун-гоу-хэ до Сяо-Суйфуна мѣстность пустынная; лишь нѣсколько, обитаемыхъ какими-то анахоретами, одинокихъ фанзъ, да нѣсколько пустыхъ, оставленныхъ обитателями, фанзъ—напоминають здѣсь о человѣкѣ.

Отъ фанзы Даинъ въ Нингуту можно ѣхать по двумъ направлениямъ: одно изъ нихъ идетъ вверхъ по Суйфуну до Сяо-Суйфуна, потомъ по притоку его Джу-ан-дзя-гоу-хэ и т. д.; другое направление—по ущелью Ван-лун-гоу-хэ, черезъ хребетъ того же имени, по рѣкѣ Ба-дао-хэцза и т. д.

Собираясь осмотрѣть первое направление я искалъ въ Даинѣ проводника, который могъ бы вывести насъ на дорогу и сообщить мѣстное названіе урочищъ. Вскорѣ изъ группы находившихся въ фанзѣ китайцевъ выдвинулся впередъ весьма развязнаго вида оборванецъ, который бойко заявилъ, что онъ всѣ мѣста отлично знаетъ и можетъ провести куда угодно; но въ ночь наканунѣ отъѣзда онъ исчезъ. Пришлось искать другого проводника, которымъ согласился быть одинъ изъ возчиковъ нашего обоза. Часовъ около десяти вечера, когда уже все было приготовлено для предстоящей поѣздки, я передалъ проводнику, что мы выѣзжаемъ на разсвѣтъ слѣдующаго дня, но онъ вдругъ совершенно неожиданно заявилъ, что не поѣдетъ съ нами; никакіе уговоры и денежныя предложенія не заставили его измѣнить рѣшеніе, мотивы котораго онъ не желалъ объяснить. Однако причины такого упорства скоро объяснились тѣмъ, что по слухамъ въ направленіи нашего движенія бродятъ хунхузы. Еще въ Сан-ча-коу насъ предостерегаль Цюй-дзо-инъ объ опасной возможности случайной встрѣчи съ хунхузами. Формируясь изъ бѣглыхъ солдатъ, преступниковъ, бродягъ и вообще людей, лишенныхъ собственности и мѣстныхъ связей, они занимаются грабежомъ на дорогахъ, а въ населенныхъ пунктахъ совершенно разоряють хозяйство зажиточныхъ людей, обязывая ихъ взносомъ постоянныхъ налоговъ или похищая людей, жестокостями вымогають выкупъ. Страхъ китайцевъ передъ хунхузами осно-

ванъ на той мстительной свирѣпости, съ которой хунхузы обходятся съ своей жертвой, подвергая ее истязаніямъ мучительныхъ пытокъ. Всѣ встрѣчавшіеся намъ въ пути купцы и вообще болѣе или менѣе состоятельные люди всегда имѣли при себѣ вооруженный конвой. Для борьбы съ хунхузами богатые люди содержатъ караулы изъ вольно-наемныхъ солдатъ. Китайское правительство устраиваетъ военные караулы для охраны дорогъ и селеній и высылаетъ военныя команды для поимки хунхузовъ, которые тутъ же казнятся. Головы казненныхъ, для устрашенія оставшихся, выставляются на видныхъ мѣстахъ. Пользуясь близостью границы, хунхузы проявляютъ свои подвиги и въ нашихъ предѣлахъ; такъ, напр., въ 1894 году они напали на «Муравьевъ-Амурскій»,—конечную станцію открытой въ то время для движенія Южно-Уссурийской желѣзной дороги, и послѣ перестрѣлки разграбили магазинъ Овсянкина и убили подрядчика Попова. Въ прежнее время случаи вооруженнаго нападенія хунхузовъ составляли обыденное явленіе, чему много способствовала близость нашей границы, невыясненность нѣкоторыхъ пограничныхъ отношеній и пустынность страны. Особенности организаціи военнаго дѣла въ Китаѣ приводятъ къ случаямъ, когда отдѣльная часть войскъ, иногда цѣлая лянза (баталіонъ) съ полнымъ вооруженіемъ, выходитъ изъ служебнаго повиновенія и, образуя вольный отрядъ, предпринимаетъ походъ, разоряя селенія и города и предаваясь грабежу и разбоямъ. Въ 1874 году хунхузы разграбили и выжгли часть Нингути. Въ то время когда я пишу эти строки, Амурскія газеты переполнены извѣстіями о преслѣдованіи русскими войсками переправившихся черезъ Уссури и разбойничающихъ въ нашихъ предѣлахъ хунхузовъ-солдатъ бѣжавшей лянзы. Но такіе случаи вообще рѣдки. Обыкновенно же хунхузы представляютъ вооруженный чѣмъ попало сбродъ и не могутъ быть серьезно опасны для русскихъ. Однако возможность неожиданнаго нападенія врасплохъ — заставляетъ быть осторожнымъ. Поэтому, во время нашего путешествія смѣнные часовые изъ сопровождавшаго насъ конвоя все время несли правильную караульную службу по-смѣнно и день и ночь.

Такимъ образомъ обстоятельства, предшествовавшія нашему отправленію изъ фанзы Даинъ вверхъ по Суйфуну, придавали этой поѣздкѣ нѣсколько мрачный характеръ, и за неимѣніемъ проводника пришлось отправиться безъ него.

Идущая въ этомъ направленіи, дорога представляетъ старую, малоѣзженную тропу, которая, начинаясь вблизи фанзы Даинъ, пересѣкаетъ ручей Ван-лун-гоу-хэ. На противоположномъ берегу ручья нѣсколько фанзъ и небольшая площадь распахан-ныхъ полей. Далѣе на протяженіи пяти верстъ тропа подымается на покрытую травой, съ изрѣдка попадающимися оди-ночными деревьями—холмистую возвышенность (137), которую съ юга огибаетъ Суйфунъ. Съ этой возвышенности на протя-женіи двухъ верстъ идетъ спускъ къ уединенной фанзѣ (67) въ долину Суйфуна. Около фанзы поле, засѣянное коноплей. Отсюда двѣ версты тропа идетъ по берегу Суйфуна, мѣстами пробираясь по карнизу подступившихъ къ самой рѣкѣ отвѣс-ныхъ скалистыхъ утесовъ и подходит къ фанзѣ (60), у кру-того поворота Суйфуна при впаденіи въ него ручья Хын-дао-хэ.

Во время полуденнаго привала на берегу Суйфуна передъ скалистыми утесами его, пользуясь временемъ, пока казаки, расположившись на бивуакѣ, устраивали коновязи и разводили костеръ, я съ г.г. Ловцевымъ и Тенчинскимъ, заинтересованные тѣмъ, что скрываютъ отъ насъ скалистые утесы, по карнизу которыхъ извивалась тропа, скрываясь крутыми поворотами за изгибами скалъ, отправились по ней. Тропинка хорошо про-топтана пѣшеходами, но настолько узка, что раздвинуться на ней двумъ путникамъ можно лишь при взаимной уступчивости и поддержкѣ. Увѣренные, что въ пустынной мѣстности мы ни съ кѣмъ не встрѣтимся и позабывъ подѣ въліяніемъ бодрого настроенія на живописномъ бивуакѣ объ мрачныхъ опасеніяхъ китайцевъ, мы торопились впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди Ловцевъ съ винчестеромъ за плечами, за нимъ въ 10—20 шагахъ шелъ я, имѣя револьверъ, и послѣднимъ док-торъ съ маленькимъ фотографическимъ аппаратомъ.

Вскорѣ до моего слуха донесся какой-то шумъ, который сразу не привлекъ моего вниманія. Но вотъ онъ повторяется,

и я признаю въ немъ говоръ людей. Въ это время Ловцевъ, не останавливая шага, оборачиваясь, взглядываетъ на меня и затѣмъ, осторожно снявъ на ходу ружье, беретъ его на руку. Я выпимаю изъ кабуры револьверъ. Не знаю, что сдѣлалъ въ это время Тенчинскій съ своимъ фотографическимъ аппаратомъ. Шумъ впереди слышится явственнѣе и въ немъ уже съ увѣренностью можно признать людской говоръ, онъ то стихаетъ за выступомъ скалы, то слышится вновь и съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе явственно. Мы вспоминаемъ о хунхузахъ. Въ доносящемся говорѣ ясно различаются хриплые голоса нѣсколькихъ человѣкъ. Я злюсь на себя зачѣмъ я не взялъ винчестера, а пошелъ съ револьверомъ—этимъ ни къ чему не пригоднымъ въ открытомъ мѣстѣ оружіемъ. Голоса впереди раздаются все громче и громче. Очевидно мы идемъ другъ другу на встрѣчу. Въ полномъ молчаніи, не обмѣниваясь впечатлѣніями, мы продолжаемъ идти впередъ безъ всякой надобности, подвергая себя ожидаемой опасности, хотя съ полнымъ спокойствіемъ и безъ всякой потери могли вернуться къ бивуаку, гдѣ десять хорошо вооруженныхъ товарищей вокругъ веселаго костра ожидаютъ насъ у котла съ кипящимъ обѣдомъ. Еще разъ Ловцевъ оборачивается ко мнѣ черезъ плечо и мы обмѣниваемся нервными взглядами. Я передаю этотъ взглядъ назадъ Тенчинскому и продолжаю досадовать на себя, что полѣнился взять свой винчестеръ. Говоръ впереди становится громче и наши движенія напряженнѣе. Шея нѣсколько сокращается, голова приближается къ плечамъ и спина горбится. Я вижу это на Ловцевѣ и чувствую на себѣ. Фигура Ловцева съ нервно напряженнымъ изгибомъ спины и осторожной, крадущейся походкой съ ружьемъ на перевѣсѣ—какъ сейчасъ стоитъ у меня передъ глазами. Вдругъ Ловцевъ останавливается и оборачивается ко мнѣ. Я вижу его поблѣднѣвшее лицо, и въ то же время вижу впереди за острымъ гребнемъ скалы промелькнувшую мохнатую шапку и дуло ружья. Мгновеніе мы стоимъ. У меня является рѣшительность утилизировать помощь безоружнаго Тенчинскаго. Я оборачиваюсь къ нему и на его вопросительный взглядъ машу рукою на

задь. Онъ понимаетъ и торопится къ нашему бивуаку. Мы съ Ловцевымъ дѣлаемъ нѣсколько шаговъ впередъ уже безъ всякой цѣли. Въ это время за ближней скалой показывается и опять исчезаетъ ружье и чья-то голова, за ними другія и дальше еще голова. Мы останавливаемся. Громкій говоръ впереди на непонятномъ языкѣ слышенъ совершенно отчетливо. У меня мелькаетъ мысль сойти съ тропы и пропустить идущихъ на встрѣчу передъ собою. Но подъ отвѣсной камЕННОЙ стѣною съ тропинки нельзя сдѣлать въ сторону и одного шагу. Тогда мы рѣшаемся на то, что нужно было сдѣлать давно, тѣмъ болѣе, что какіе-либо воинственно героическіе подвиги совѣмъ не входили въ программу нашихъ скромныхъ изслѣдованій и всякое шумное проявленіе нашего не вполне легальнаго пребыванія въ чужой странѣ вредило нашему дѣлу. Подъ вліяніемъ одновременно созрѣвшей рѣшимости, мы поворачиваемъ на лѣво кругомъ и, не измѣняя позъ, въ обратномъ порядкѣ начинаемъ движеніе назадъ, напряженно стараясь выдержать равномерно размѣренный шагъ. Взглядывая назадъ, я вижу, что и Ловецъ оборачивается и вижу ужъ ясно за нимъ нѣсколькихъ китайцевъ, и близко слышу ихъ говоръ. Мгновенье жгучее ощущеніе пробѣгаетъ у меня по спинѣ. Но слѣдующее мгновеніе приносить успокоеніе мысли, что если бы это были хунхузы, то для нихъ прошло уже достаточно времени для того, чтобы на близкомъ разстояніи разстрѣлывать мишени, представляемыя нашими спинами. Мы продолжаемъ идти напряженно сдержанной походкой (вѣроятно для поддержанія достоинства) и, оборачиваясь, безуспѣшно стараемся разглядѣть тѣхъ, чьи торопливые шаги начинаютъ насъ уже настигать. Въ это время передъ нами на утесѣ нависшемъ надъ тропою вырастаетъ высокая стройная фигура нашего казака — приказнаго. Отставивъ лѣвую ногу впередъ съ ружьемъ наготовѣ, онъ точно застылъ въ этой позѣ прикрывая наше отступленіе. На встрѣчу къ намъ быстро возвращался изъ стана Тенчинскій все также неся фотографическій аппаратъ. Мы спѣшимъ присоединиться къ своимъ встревоженнымъ спутникамъ и, стоя на возвышеніи, разсматриваемъ проходящихъ передъ нами по

тропинкѣ китайцевъ, бывшихъ причиной тревоги. Впереди идетъ китаецъ въ енотовой шапкѣ съ ружьемъ и котомкой за плечами, за нимъ другой съ увязаннымъ тюкомъ на плечахъ; изъ-за спины у него торчитъ палка. За нимъ еще одинъ также съ вещами на спинѣ. Изъ разговора съ ними черезъ бывшего съ нами китайскаго солдата узнаемъ, что это мирные промышленники, занимавшіеся рыбною ловлею и бѣжавшіе теперь отъ хунхузовъ, которые въ эту ночь ограбили ихъ, уничтожили ихъ рыболовные снасти и сожгли лодки. Этотъ случай съ нами, въ виду благополучнаго его окончанія, казалось бы, долженъ былъ вызвать веселое настроеніе, но онъ почему-то плохо отразился на общемъ настроеніи и испортилъ удовольствіе прекрасной стоянки на берегу Суйфуна при чудной погодѣ и съ грандіознымъ ландшафтомъ широкой горной долины, пролегающей между высокими хребтами. Начинавшіеся разговоры вскорѣ пріобрѣтали оттѣнокъ раздраженія, совершенно безпричинно затрагивая личное самолюбіе. Въ этомъ вѣроятно выражалась реакція сильнаго нервнаго напряженія. Какъ бы невинно ни окончился эпизодъ, но во всякомъ случаѣ напряженная выдержка Ловцева, бывшего первымъ при движеніи назадъ, заставившая его переиспытать всѣ тяжелыя ощущенія ожиданія дѣйствительной опасности, могла вызвать раздраженіе неудовлетворительности, послѣ того какъ опасность не оказалась грозной.

Сдѣлавши нѣсколько фотографическихъ снимковъ, мы торопимся сократить стоянку.

Отъ фанзы у устья ручья Хын-дао-хэ трона вьется по дну долины ея, ширина которой въ началѣ около половины версты; берега гористые. Въ одной верстѣ отъ устья опять фанза. Далѣе береговья возвышенности становятся положе, на нихъ появляется сосновый лѣсъ и ширина долины суживается до 75 сажень. На подходящихъ къ рѣчкѣ скалистыхъ береговыхъ возвышенностяхъ—обнаженія бѣлаго кристаллическаго известняка. Это единственное мѣсто по всей пройденной нами мѣстности, гдѣ есть известнякъ. Здѣсь до послѣдняго времени производился китайцами обжигъ извести, сплавляемой отсюда по Суйфуну

въ Никольское. Теперь же обгорѣлая фанза и брошенные известковыя печи представляют слѣды недавняго нашествія хунхузовъ. За известковыми печами, на протяженіи 400 сажень, долина опять пріобрѣтаетъ ширину болѣе 150 сажень и, далѣе сѣзвившись до 30—50 сажень, она сохраняетъ эту послѣднюю ширину на протяженіи 6½ верстъ до вершины своей, у подошвы подъема на перевалъ хребта Ванъ-лун-гоу. На этомъ протяженіи есть еще одна пустующая фанза съ заброшеннымъ разработаннымъ полемъ, около тридцати десятинъ. Это также слѣды дѣятельности хунхузовъ. Хозяинъ исчезъ и поле заглохло. Отъ подошвы перевала въ верховьяхъ Хын-дао-хэ (288) до вершины его на хребтѣ (354) одна верста. Въ обнаженіяхъ горныхъ породъ на гребнѣ хребта и обоихъ склонахъ его—гранитъ, гнейсъ-біаритовый рогово-обманковый. Съ перевала тропа на протяженіи шести верстъ идетъ вдоль хребта, пересѣкая вершину притока рѣки Вын-суй-хэ, до другой сѣдловины его (320), откуда по дну пади Пріисковой *), впадающей въ Сяо-Суйфунъ, подходитъ къ этой послѣдней рѣчкѣ у фанзы (82).

Въ средней части Пріисковой пади изрытое ямами дно ея носитъ слѣды выработаннаго хищническаго золотого пріиска.

Отклоняясь отъ середины долины, разработки входятъ въ открывающуюся слѣва падь и скрываются за крутымъ поворотомъ ея. Оттуда сбѣгаетъ небольшой ручеекъ; его мутная вода насыщена пескомъ, отлагающимся по плоскимъ берегамъ излучинъ маленькаго русла. «Моютъ! Моютъ!» слышатся нѣсколько встревоженные возгласы нашихъ. Дѣйствительно вода ручья замутилась породой, отмываемой хищниками въ небольшихъ корытцахъ отъ золота. Работаетъ до двухъ сотъ человѣкъ разнаго китайскаго сброда. Эти рабочіе-промышленники пользуются самой дурной репутаціей: между ними и обнищавшіе состоятельные люди, и жаждущіе обогащенія нищіе, и бѣглые преступники и солдаты, и просто выбитые изъ колеи нормальной жизни и въ большинствѣ страдающіе опіофагіей люди. Не рѣдко, при неудачѣ на промыслѣ, весь этотъ сбродъ голод-

*) Названіе, данное нами.

ныхъ и раздраженныхъ людей, подымаясь, идти на разбой, образуя шайку хунхузовъ. Не разъ такія шайки появлялись и въ Приморской области. Въ 1868 году подобная партія въ 600 человѣкъ перешла границу, заняла принадлежащій намъ островъ «Аскольдъ», въ пятидесяти верстахъ отъ Владивостока и занялась тамъ промыскою вновь открытаго золотого прииска. Высланное противъ нихъ военное судно заставило ихъ очистить островъ и переправиться на материкъ, въ семи верстахъ отъ острова. Отсюда они устремились внутрь страны, гдѣ разорили и выжгли село Никольское, деревни Шкотову и Суйфунскую и два военныхъ поста. Разбитые подоспѣвшими войсками, они были оттѣснены за-границу.

Рѣка Сяо-Суйфунъ у устья Приисковой пади имѣетъ глубину 0,20—0,40 сажени и ширину 40—50 сажень. Въ двухъ верстахъ отсюда, внизъ по рѣкѣ, начинается порогъ, который тянется около версты. Русло настолько загромождено камнями, что рѣка совершенно становится непригодной для сплава даже отдѣльныхъ бревенъ. Долина очень узка и мѣстами берега ея образуются горами, подходящими къ самой рѣкѣ. По правому берегу крутыя скалистыя обнаженія кварца. Горы лѣваго берега менѣе обнажены и болѣе пологи. Сѣверные склоны горъ покрыты рѣдкимъ дубнякомъ, а по вершинамъ кое-гдѣ видны сосны. Въ трехъ верстахъ отъ порога, Сяо-Суйфунъ принимаетъ справа ручей Чжу-ан-дзя-гоу (80), шириною одна сажень и глубиною 0,10 — 0,20 сажени. Каменистое русло ручья очень извилисто. Долина ручья съ крутыми поворотами, то расширяется до $\frac{1}{2}$ версты, то суживается въ скалистыхъ берегахъ до 25 сажень. Крутыя и высокія горы идутъ по ея берегамъ. Сѣверные склоны покрыты дубнякомъ, а южные—мелкимъ орѣшникомъ и иногда рѣдкимъ дубнякомъ. Строевого лѣса нѣтъ. Скалистыя обнаженія береговъ сложены изъ гранита діоритоваго. Дно долины ровное, каменистое, мѣстами покрытое кочковатыми болотами. Въ пяти верстахъ отъ устья въ долину слѣва открывается падъ Да-тун-гоу. Здѣсь стоитъ пустая, заброшенная фанза (94). Выше въ пяти верстахъ опять устье лѣваго притока (125). Отсюда шесть верстъ до вершины ручья

Чжу-ан-дзя-гоу (206) и начала крутого подъема на протяженіи пѣскольکو меньшемъ двухъ верстъ, на перевалѣ хребта Лое-линь (301). По этому склону хребта растутъ рѣдкій дубнякъ. Съ перевала тропа, послѣ короткаго спуска, покрытаго густымъ строевымъ лѣсомъ смѣшанныхъ породъ съ прибавленіемъ хвойныхъ, и такого же короткаго, но совершенно безлѣснаго подъема, выходитъ на второй перевалъ того же хребта (337), расположеннаго въ $\frac{3}{4}$ версты отъ перваго. Здѣсь стоитъ, разрушаясь, пустая фанза. Отъ фанзы на протяженіи одной версты покрытый крупнымъ, но рѣдкимъ дубомъ, спускъ къ вершинѣ рѣки (250) съ неизвѣстнымъ названіемъ. По этой рѣкѣ трона проходитъ около трехъ верстъ. Долина рѣчки, шириною около $\frac{1}{2}$ версты, покрыта болотами. Прибрежныя горы болѣе или менѣе отлоги, сѣверные склоны ихъ покрыты дровянымъ лѣсомъ, а въ обнаженіяхъ всюду гранитъ діоритовый. Въ трехъ верстахъ отъ вершины тропа круто поворачиваетъ на сѣверъ и начинается съ высоты (200) крутой подъемъ по узкой болотистой, безлѣсной лощинѣ на перевалѣ хребта Тун-гоу-линь (279). Длина подъема $1\frac{2}{3}$ версты. Спускъ съ перевала, длиною $1\frac{1}{2}$ версты, приводитъ въ вершину рѣчки Да-тун-гоу-хэ (Сяо-Шетау) *) (246). Въ обнаженіяхъ по берегамъ этой рѣчки уже не гранитъ, а амфиболитъ сланцевый.

На всемъ пройденномъ отъ Суйфуна до этого мѣста пути, мѣстность пустынная, гористая и неудобная для засѣянія по неимѣнію мѣстъ, годныхъ подъ пашни; всюду болота и скалы. Далѣе, судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, спускаясь по этой рѣкѣ до верховьевъ Муреня, трона переходитъ въ долину Да-Шитау и подымается потомъ широкой долиной съ высокими бугристыми берегами. На югъ отъ нея горныя возвышенности покрыты сосновымъ лѣсомъ. Ширина долины у устья ея около одной версты. Поднявшись по этой долинѣ, тропа по верховьямъ ея выходитъ на перевалѣ хребта Чан-лип-цза, покрытый хвойнымъ лѣсомъ. Отсюда она, въ видѣ служащей для мѣстнаго сообщенія, колесной дороги, круто спускается по дну

*) Первое названіе взято съ карты, а второе изъ распросовъ на мѣстѣ.

узкого скалистого ущелья въ долину рѣчки Тя-ми-фунъ и по послѣдней выходитъ въ долину Модоши. Существуетъ еще другое, болѣе южное направленіе, съ выходомъ къ Модоши по рѣчкѣ Си-дао-лин-за-хэ.

До восьмидесятыхъ годовъ этимъ путемъ проходило главное движеніе между Нингутой и Никольскимъ, но въ настоящее время на немъ можно лишь въ видѣ исключенія встрѣтить одинокаго путника или группу нѣсколькихъ пѣшеходовъ, предпочитающихъ глухую мѣстность и избѣгающихъ дорожныхъ встрѣчъ. Заброшенъ этотъ путь съ тѣхъ поръ, какъ послѣ укрѣпленія русскихъ на Амурѣ китайцы, озабочиваясь заселеніемъ пограничнаго намъ района, основали городъ Санъ-ча-коу и разработали грунтовую дорогу между этимъ пунктомъ и Нингутой, избравъ для нея болѣе сѣверное направленіе.

Возвратившись изъ поѣздки по Суйфуну въ фанзу Даинъ, застаемъ здѣсь телеграмму Генерала Гродекова, высланную сюда изъ Суйфунскаго караула съ двумя казаками. Телеграмму эту, съ изложеніемъ причинъ, требующихъ, для путешествія по китайскимъ владѣніямъ, каждый разъ спеціальнаго разрѣшенія изъ Пекина, Генераль Гродековъ заканчиваетъ такъ: «до полученія разрѣшенія, переходить границу не рекомендую». Отсутствіемъ категорическаго запрещенія, вопросъ о переходѣ границы какъ бы предоставлялся моему личному разрѣшенію на основаніи благоразумія и осторожности. Сообразуясь съ наличностью существующихъ условій и принимая во вниманіе благопріятныя обстоятельства, при которыхъ совершалось наше вступленіе въ китайскія владѣнія, я рѣшилъ не возвращаться и идти въ Нингуту. Послѣ ночлега въ фанзѣ Даинъ, съ зарею слѣдующаго дня мы двинулись въ путь по дорогѣ на Нингуту, вдоль ручья Ван-лун-гоу-хэ. Уходя изъ долины Суйфуна мы распростились съ Подъесауломъ Ловцевымъ, возвращавшимся съ четырьмя казаками обратно въ Суйфунскій караулъ.

Подымаясь изъ долины Суйфуна вдоль ручья Ван-лун-гоу-хэ, дорога вскорѣ входитъ въ узкое ущелье, глубокою щелью врѣзывающееся въ горный хребетъ. Крутые скалистые откосы ущелья мѣстами почти отвѣсны, мѣстами же, при нѣскольکو

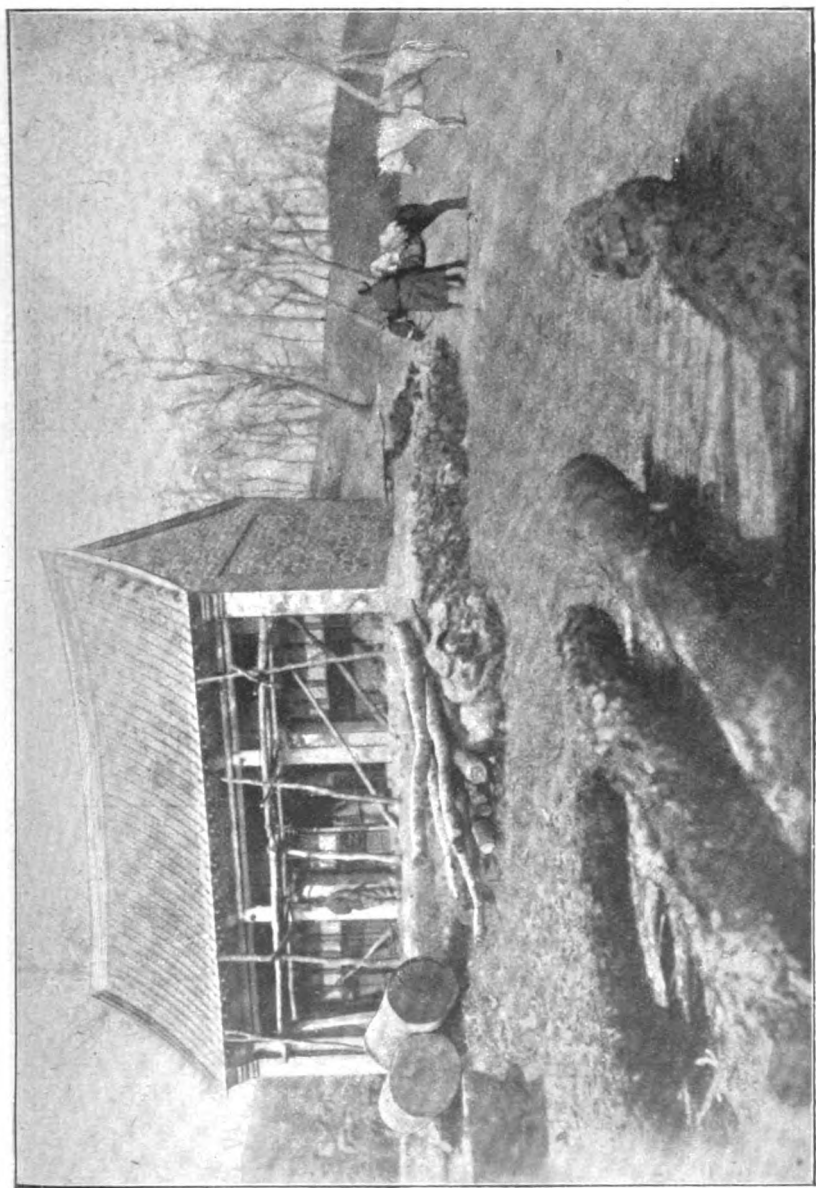
увеличенной пологости ихъ осыпями разрушающихся горныхъ породъ, изрыты глубокими расщелинами, водомоинами и увѣнчаны по верхнему краю откоса, причудливо торчащими въ видѣ башенъ, колоннъ и острыхъ пирамидъ, остовами вывѣтрившихся горныхъ утесовъ. По дну ущелья, гдѣ по каменистому руслу пробѣгаетъ ручей,—кустарниковая растительность съ преобладаніемъ ивы. Одинокія сосны кой-гдѣ зеленѣютъ на темной поверхности скаль.

Выше фанзы Даинь, вдоль ручья стоятъ въ рядъ еще нѣсколько отдѣльныхъ фанзъ, а далѣе въ ущельи начинаются золотые прииска. Запрещенная правительствомъ промывка золота производится здѣсь хищническимъ способомъ. Вся мѣстность вдоль ручья, по дну ущелья изрыта ямами, окруженными валами выброшенной земли и щебня. Мѣстами изъ ямъ поднимаются головы золотоискателей, съ враждебнымъ любопытствомъ оглядывающихъ путешественниковъ. Но большинство ямъ являютъ слѣды давней заброшенности и, окружающіе ихъ, земляные валы покрыты зарослями кустарника. Богатыя прежде содержаніемъ золота розсыпи уже выработаны и добыча теперешнихъ золотоискателей-бродягъ ничтожна.

Дорога загромождена большими камнями и нѣсколько разъ пересѣкаетъ ручей. Зажатая узкимъ ущельемъ, она идетъ не подымаясь надъ дномъ его. На первыхъ трехъ верстахъ отъ фанзы Даинь (68) болѣе или менѣе равномерный подъемъ составляетъ 62 сажени, на слѣдующихъ пяти верстахъ онъ равенъ 140 саженьямъ и на послѣдней верстѣ 21 сажени. На послѣдней верстѣ подъемъ очень неравномѣренъ; въ половинѣ этой версты крутизна дороги мѣстами достигаетъ 25 градусовъ. Телѣги, съ припряжкой двойного числа лошадей, поочередно втаскиваются съ помощью людей. Щелканье бичей и непрерывные дикіе крики погонщиковъ наполняютъ эхомъ ущелье. Въ самой вершинѣ ущелья фанза съ единственнымъ обитателемъ ея. Никакихъ запасовъ и вообще признаковъ хозяйства не видно, но, получивъ деньги, китаецъ сбѣгалъ куда-то въ тѣсь и притащилъ нѣсколько сноповъ гаоляна для лошадей. Около фанзы старая кумирня, въ видѣ небольшого де-

ревяннаго домика. Внутри нѣсколько предметовъ религіознаго культа, производящихъ впечатлѣніе бросовыхъ, никому не нужныхъ вещей. Рядомъ на деревѣ виситъ небольшой колоколь. Прибывающіе съ обозомъ китайцы поочередно подходятъ къ кумирнѣ и послѣ преклоненія, ударивъ разъ или два въ колоколь, отходятъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Въ ста саженьяхъ отсюда на хребтѣ Ван-лун-гоу строится каменная кумирня на пожертвованія, за сборомъ которыхъ, живущій близъ кумирни въ землянкѣ, старый и дряхлый китаецъ обошелъ, между прочимъ, и манзовское населеніе Уссурійскаго края. Она представляетъ домъ въ одну комнату съ прямоугольнымъ планомъ. По срединѣ фасадной стѣны дверь, а по обѣ стороны ея окна, заклеенныя промасляной бумагой. Остальныя три стѣны глухія. Крыша двухскатная съ фронтонами и изогнутой профилею и по стропильнымъ ногамъ, и по коньку, на концахъ котораго эмблематическія фигуры драконовъ. Внутри кумирни полумракъ. При насъ внутренняя отдѣлка еще не была закончена и нѣсколько туземныхъ скульпторовъ заняты были изготовленіемъ гипсовыхъ фигуръ какихъ-то фантастическихъ животныхъ и людей въ натуральную величину, съ свирѣпыми лицами. За кумирней вскорѣ дорога выходитъ на самый перевалъ хребта (291). Плоская бугристаго характера поверхность перевала покрыта рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ. Отсюда на сѣверъ съ хребта открытая мѣстность верховьевъ системы рѣки Бадао-хеца; справа и слѣва тянутся туда пологія долины, выпнутая поверхность которыхъ образуетъ въ планѣ какъ бы раскрытую кисть гигантской руки, положенную передъ нами ладонью къ верху. Большой палецъ ея лежитъ влѣво отъ насъ, указательный вправо, а остальные, направленные къ юго-востоку, образуютъ распадки Березовой пади съ вершинами, на раньше описанныхъ мною перевалахъ Пограничнаго хребта, съ которыхъ по противоположному склону его сбѣгаютъ въ русскіе предѣлы Золотая и Тополевая пади.

Всѣ возвышенности покрыты рѣдкимъ лиственнымъ лѣсомъ съ преобладаніемъ дуба. Оттуда по склонамъ, въ разбросъ небольшими рощами и въ одиночку, сбѣгаютъ деревья. Въ до-

Кумирня на хребтъ Ван-лун-гоу.

линахъ на право бѣлѣютъ семейныя группы стройныхъ березъ. На лѣво, вдали за высокимъ бугромъ, подымается дымъ надъ одиноко стоящей, скрытой деревьями, фанзой. Спускъ съ перевала довольно пологій и равномерный; на первой верстѣ онъ составляетъ три сажени, а на слѣдующихъ верстахъ—46 сажень. Отсюда черезъ три версты спускаемся на 25 сажень въ болотистую падь и подходимъ къ рѣкѣ Ба-дао-хэцза (217), которую переѣзжаемъ въ бродъ съ лѣваго берега ея на правый. Дорога съ перевала до спуска въ кочковатую долину Ба-дао-хэцза все время идетъ по гранитнымъ острымъ камнямъ, выступами которыхъ, надъ поверхностью топкаго растительнаго слоя, усѣяна вся окружающая мѣстность. Послѣ перехода черезъ рѣчку дорога идетъ внизъ по теченію вдоль ея берега у подножія крупныхъ скалистыхъ возвышенностей. Ширина долины болѣе версты. Дно плоское покрыто кустарникомъ съ изрѣдка стоящими, отдѣльными деревьями. Берега высокіе и крутые, частью представляютъ скалистыя обнаженія метаморфизованныхъ породъ (брекчія?), частью покрыты рѣдкимъ низкорослымъ дубовымъ лѣсомъ. На открытыхъ полянахъ между дубовыми рощами, точно яркія заплаты на темно-зеленомъ фонѣ травы, рѣзко выдѣляются каменные осыпи растрескавшихся скалъ съ свѣжими слѣдами недавняго разрушенія. Ложе рѣки каменистое. Пройдя 3 версты вдоль рѣки, дорога минуетъ фанзы—постоялые дворы Нян-тя-мынь, переходитъ черезъ ручей того же имени, впадающій въ Бадао-хэцза и подходитъ къ стоящей у этого ручья фанзѣ Пин-фанъ (211,7). Пройденный отъ перевала Ван-лун-гоу путь идетъ по направленію пограничнаго хребта вдоль западнаго его склона въ 8—10 верстахъ отъ гребня хребта. Спускающіяся по этому склону, широкія пологія долины покрыты высокой травой. По дну долинъ протекаютъ рѣчки въ 1—3 сажени шириною съ кочковатыми болотистыми берегами.

Пин-фанъ одна изъ наиболѣе извѣстныхъ фанзъ на нашемъ пути представляетъ совершенное подобіе всѣхъ остальныхъ, расположенныхъ у дороги фанзъ постоянныхъ дворовъ. Около фанзы посѣвы пшеницы, проса и маку, разводимаго для вы-

дѣлки опиума. Нѣсколько куръ и нѣсколько худощавыхъ черныхъ свиной мѣстной породы — вотъ и все хозяйство. Здѣсь тотъ же смрадъ и чадъ во время ночлега, какъ и въ другихъ видѣнныхъ нами фанзахъ и тотъ же грубый отрывистый говоръ, продолжающійся за полночь вокругъ дымнаго очага. Возвращающіеся изъ Никольскаго возчики, рассказываютъ своимъ встрѣчнымъ собратьямъ по ремеслу о тѣхъ притѣсненіяхъ и о томъ произволѣ, которымъ они подвергались у насъ за границей со стороны казаковъ и крестьянъ придорожныхъ сель. Встрѣчая по дорогѣ китайскій обозъ, казаки или крестьяне останавливали его и брали выкупъ за право проѣзда, будучи вполне увѣренными въ безнаказанности, вслѣдствіе незнанія китайцами русскаго языка и незнакомства ихъ съ нашими порядками. «Скоро совсѣмъ нельзя будетъ ѣздить», заключаетъ рассказчикъ. Чтобы не подвергать себя риску подобныхъ случайностей въ дорогѣ, большинство китайцевъ, ѣдущихъ къ намъ изъ-за границы, предпочитаютъ нанимать въ Полтавской русскихъ подводчиковъ, которые доставляютъ ихъ по назначенію, гарантируя безопасность отъ путевыхъ обидъ, и на этомъ извозѣ хорошо зарабатываютъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Пин-фанъ у рѣки расположена фанза Шуан-Юсій. Около этой фанзы четыре кумирни, стоящія непосредственно другъ около друга. Размѣры ихъ представляютъ какъ бы младшихъ и старшихъ членовъ одной семьи и указываютъ на прогрессивное развитіе средствъ строителей. Первая кумирня имѣетъ видъ небольшого ящика въ 8—10 вершковъ въ сторонѣ, сколоченнаго изъ почернѣвшихъ отъ времени досокъ, а послѣдняя, ярко раскрашенная, конькомъ своей изогнутой кровли подымается на 2—3 сажени. При ней на деревѣ повѣшенъ мѣдный колоколь. Такія группы кумирень намъ не разъ попадались и дальше около деревень, фермъ, отдѣльныхъ фанзъ, при дорогахъ и, вообще, въ мѣстахъ носящихъ слѣды культурной жизни человѣка. Сохраняя характерный архитектурный типъ, онѣ измѣняются по величинѣ отъ совершенно игрушечнаго домика, прислоненнаго къ стволу одинокаго дерева, до размѣровъ настоящаго молитвеннаго дома, осѣненнаго цѣнью группы деревьевъ.

Дальше фанзы Шуань-Юсй, на протяженіи четырехъ верстъ, характеръ мѣстности остается неизмѣннымъ. Каменистая дорога проходить по долинѣ въ 1—2 версты шириною. Берега долины крутые, скалистые. Въ концѣ четвертой версты, на ровномъ днѣ долины, влѣво отъ дороги стоитъ отдѣльно крутая высокая сопка, а отъ праваго берега протянулась къ рѣкѣ небольшая возвышенность въ видѣ утиного носа. Ея хребетъ въ началѣ плавно спускается съ высокаго берега до низкой и плоской сѣдловины, а затѣмъ, вновь приподнимаясь, обрывается къ рѣкѣ крутыми скалистыми утесами. За этимъ мѣстомъ долина Бадао-хэцзы рѣзко суживается. Здѣсь у праваго берега въ сторонѣ отъ дороги стоитъ фанза, въ которой помѣщается китайскій караульный постъ. Начальникомъ поста при насъ былъ Лю-юй-цзи. Проѣзжая мимо, я съ г. Мосинымъ заѣхалъ къ нему. Это былъ первый видѣнный нами китайскій чиновникъ, свободный отъ непосредственнаго вліянія русскихъ, чего нельзя было сказать о Чжао-кен-цзю-ѣ, живущемъ у нашей границы.

Лю-юй-цзи, встрѣтивъ насъ передъ дверями своей фанзы, провелъ къ себѣ и предложилъ занять мѣста на канѣ. Самъ же сѣлъ нѣсколько въ сторонѣ на высокомъ стулѣ и, опершись спиною о стѣну, обернулся къ намъ въ полъоборота и занялся раскуриваніемъ металлической китайской трубки—кальяна съ тонкимъ изогнутымъ чубукомъ. Его сухое, мало выразительное лицо и важная поза изобличали стремленіе придать себѣ внушительный, начальственный видъ. Обмѣнявшись съ нами короткимъ привѣтствіемъ, онъ сдѣлалъ длинную паузу и затѣмъ началъ строгимъ тономъ передавать полученную имъ наканунѣ отъ прохожихъ китайцевъ жалобу на насъ, состоявшую въ томъ, что встрѣтившійся имъ на дорогѣ нашъ казакъ съ угрозой замахивался на нихъ пашкой. Изъ дальнѣйшаго разговора однако выяснилось, что ѣхавшій верхомъ казакъ пашки не обнажалъ и даже въ сущности не замахивался ею, а лишь оставилъ ее нѣсколько отъ себя, предлагая этимъ жестомъ, встрѣтившимся ему на дорогѣ, нѣшеходамъ посторониться. Когда случай, послужившій причиною неудовольствія нашего хозяина,

выяснился въ столь невинной формѣ, то онъ нѣсколько смягчилъ тонъ и началъ объяснять, что самъ онъ не придалъ бы этому случаю никакого значенія, если бы не опасался, что невѣжественный народъ не сдумѣетъ критически отнестись къ нему и распространившіеся о немъ слухи вызовутъ у китайцевъ враждебное къ намъ настроеніе. Я обѣщалъ разслѣдовать въ подробности непріятную случайность и принять мѣры противъ возможности повторенія ея въ будущемъ и, сокративши нашъ визитъ, мы простились съ строгимъ китайскимъ чиновникомъ, оставивъ его раздумывать о неумѣстно принятомъ имъ тонѣ начальнической важности и, какъ я впослѣдствіи узналъ, сожалѣть о недостаточной любезности къ намъ.

Въ двухъ верстахъ отсюда (185) дорога, пройдя мимо фанзы, окруженной засѣянными полемъ, уклоняется отъ Ба-дао-хэцзы и входитъ въ заросшую дубнякомъ, небольшую долину притока ея, а Ба-дао-хэцза въ видѣ узкой долины съ крутыми скалистыми берегами проходить еще двадцать верстъ въ сѣверо-западномъ направленіи до впаденія въ Сяо-Суйфунъ (Волинку) и описываетъ при этомъ дугу, по хордѣ которой направляется дорога. На этой части Ба-дао-хэцзы есть три фанзы: первая въ одной верстѣ отъ дороги, вторая въ шести верстахъ далѣе и третья не доходя пяти верстъ до сліянія Ба-дао-хэцзы и Сяо-Суйфуна.

Подъемъ по лѣвому притоку Ба-дао-хэцзы идетъ равномерно на протяженіи двухъ верстъ и приводитъ на перевалъ (260), служащій водораздѣломъ бассейновъ рѣкъ Ба-дао-хэцза и Вынь-суй-хэ. Такъ названа послѣдняя рѣка на пятнадцати-верстной картѣ Главнаго Штаба изданія 1883 года, но на мѣстѣ мы этого названія не слышали. Составленное изъ двухъ русскихъ словъ, поставленныхъ въ игривомъ сочетаніи съ добавленіемъ китайскаго хэ (рѣка), оно заставляетъ сильно сомнѣваться въ своемъ китайскомъ происхожденіи.

Водораздѣлъ, на который мы поднялись, представляетъ плоскую возвышенность стенного характера. Нѣтъ ни деревьевъ, ни скалистыхъ обнаженій, ни отдѣльныхъ вершинъ. Въ четырехъ съ половиною верстахъ отъ перевала (260) дорога полого

спускается къ верховьямъ Вынь-суй-хэ (236) (мы оставляемъ это названіе на отвѣтственности его автора). Впереди, за небольшой рѣчкой съ болотистыми берегами старое, заброшенное и разрушающееся китайское укрѣпленіе Эр-дао-ганза, состоящее изъ нѣсколькихъ фанзъ, окруженныхъ полуразвалившейся оградой. Расположено оно по общему типу, видѣнныхъ нами въ странѣ, китайскихъ укрѣпленій, по срединѣ широкой открытой долины на возвышенной площади, находясь такимъ образомъ подъ вліяніемъ, окружающихъ долину и командующихъ надъ ними, высотъ, удаленныхъ на 1—3 версты. Такимъ характеромъ мѣстности, выбираемой традиціонно китайцами для своихъ укрѣпленій (я говорю лишь о видѣнныхъ мною), какъ бы имѣется въ виду обезопасить ихъ отъ скрытаго, внезапнаго нападенія пѣхоты и конницы.

За Эр-дао-ганза долина суживается, берега ея принимаютъ гористый характеръ и на нихъ показываются скалистые обнаженія. Въ двухъ верстахъ отъ крѣпости лѣвый берегъ разрѣзывается широкимъ проходомъ съ ровнымъ дномъ, образуя какъ бы ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ стоятъ высокія удлиненные сопки. За этими воротами возвышенности разступаются и между ними открывается обширная равнина. Отсюда двѣ версты до фанзы Сан-цан-фанъ, за которою въ двухъ верстахъ двѣ фанзы Сан-дао-ганза (190) при впаденіи въ Вынь-суй-хэ съ противоположныхъ сторонъ двухъ притоковъ. Далѣе въ трехъ верстахъ фанза Ци-цзянь, за которой долина сжимается отвѣсными береговыми утесами до 30—50 сажень и принимаетъ крайне извилистое направленіе. По краю крутыхъ скалистыхъ береговъ долины торчатъ высокіе узкіе гребни, въ видѣ стѣнъ съ башнями и острыми пиками, образованные разрушеніемъ метаморфическихъ породъ, а по дну ея быстрая рѣчка шириною 2—3 сажени съ крутымъ паденіемъ и крайне извилистымъ теченіемъ прыгаетъ между камнями, загрозоздившими ея русло. Здѣсь насъ поджидали два спутника: М. Васильевъ и С. Дмитріевъ, которые шли на соединеніе съ нами другимъ путемъ; спустившись съ Пограничнаго хребта по долинамъ Широкая падъ и Ба-дао-хэцза къ Сяо-Суйфуну.

Въ двухъ верстахъ отъ Ци-цзянь Вынь-суй-хэ круто поворачиваетъ нѣво, образуя съ вогнутой стороны пологое уширение, въ которомъ стоитъ фанза Дуй-ту-ладза (144). Отсюда дорога подымается правымъ берегомъ долины на возвышенность (192), составляющую здѣсь водораздѣль между Вынь-суй-хэ и Сяо-Суйфуномъ, и затѣмъ спускается на протяженіи $2\frac{1}{2}$ верстъ по дну узкаго скалистаго ущелья въ долину Сяо-Суйфунъ. Пройдя одну версту по долинѣ, дорога подходит къ фанзѣ—постоялому двору (143), невдалекѣ отъ которой на правомъ берегу рѣки расположенъ военный караулъ. Около фанзы посѣвы пшеницы и гаоляна.

Рѣка Сяо-Суйфунъ имѣетъ здѣсь ширину 22 сажени, глубину 0,25 сажени, быстрое теченіе и каменистое дно. Въ пяти верстахъ отсюда внизъ по теченію она принимаетъ справа рѣку Селинхэ, а въ двухъ верстахъ далѣе въ нее впадаетъ слѣва рѣка Вынь-суй-хэ ¹⁾. Принявъ эти притоки, Сяо-Суйфунъ расширяется и течетъ далѣе по каменистому руслу семнадцать верстъ, до впаденія въ него, упоминавшейся мною при описаніи Южной дороги на Нингуту, Пріисковой пади. На всемъ этомъ протяженіи никакихъ признаковъ культуры и осѣлости нѣтъ.

Между постояннымъ дворомъ и карауломъ въ Сяо-Суйфунъ вливается справа рѣчка съ широкой долиной—безъ названія, а въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ выше—слѣва рѣка Ба-дао-хэца.

У караула долина Сяо-Суйфуна имѣетъ ширину около двухъ верстъ, а далѣе вверхъ и внизъ по теченію рѣки она значительно суживается. Берега долины образуютъ крутыя скалистыя возвышенности. Въ обнаженіяхъ лѣваго берега гранитъ роговообманковый біаритовый, а въ обнаженіяхъ праваго берега амфиболитъ сланцевый.

Едва мы подъѣхали къ постоянному двору, какъ къ намъ явился посланный отъ начальника караула съ просьбой захватить къ нему. Караулъ, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи за рѣкой, помѣщался въ фанзахъ, окруженныхъ высокимъ

¹⁾ На существующихъ географическихъ картахъ эта мѣстность изображена ошибочно.

бревенчатымъ частоколомъ, съ бойницами. По угламъ ограды и надъ воротами ея развѣвались большіе желтые флаги съ черными изображеніями драконовъ. Караулъ украсился флагами по случаю нашего пріѣзда. Намъ, очевидно, ждали, но я рѣшилъ передъ визитомъ съѣсть свой походный обѣдъ и отпустилъ посланнаго съ отвѣтомъ, что усталъ съ дороги и пріѣду черезъ часъ. Вскорѣ онъ возвратился опять и уже больше не уходилъ, ожидая меня. Поѣхалъ я съ гг. Мосинымъ и Тенчинскимъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ.

Вѣзжаемъ за ограду. Здѣсь стоятъ грязныя караульныя фанзы съ неряшливо содержимымъ дворомъ и полуразрушенными плетневыми оградами. Во дворѣ, гдѣ мы спѣшились, встрѣчаетъ насъ начальникъ караула Чен-юй-танъ, небольшого роста подвижный китаецъ, съ краснымъ возбужденнымъ лицомъ. Въ фанзѣ мы занимаемъ почетныя мѣста на канѣ и передъ нами, по обыкновенію, сейчасъ же появляются чашки съ желтымъ чаемъ безъ сахара. Чен-юй-танъ обязательно осведомляется: обратили ли мы вниманіе на флаги, которые онъ выставилъ по случаю нашего пріѣзда? замѣчаемъ ли мы, что его чиновная шапка украшена пучкомъ навлинныхъ перьевъ и, что такого знака отличія не имѣетъ и его начальникъ Цюй-цзо-инъ? и т. д. въ томъ же родѣ. Со мной былъ маленькій фотографическій аппаратъ и передъ отъѣздомъ я предложилъ Чен-юй-тану сняться; онъ сейчасъ же засуетился и побѣжалъ въ фанзу. Во дворѣ былъ вынесенъ небольшой столикъ, на которомъ Чен-юй-танъ разложилъ револьверъ, серебрянныя карманные часы и зеркальце. Эти вещи очевидно составляли гордость и предметы тщеславія ихъ обладателя. Самъ онъ съ трубкою въ зубахъ усѣлся рядомъ на табуреткѣ и закинувъ ногу за ногу принялъ строгій сосредоточенный видъ. За спиною у него стоялъ солдатъ съ ружьемъ на плечѣ. Во дворѣ Чен-юй-танъ не приминулъ обратить наше вниманіе на устроенныя по угламъ ограды, на нѣкоторой высотѣ отъ земли, деревянныя платформы для пушекъ, съ прорѣзанными противъ нихъ въ стѣнахъ отверстіями и объяснилъ намъ при этомъ, что такое устройство можетъ имѣть не каждый изъ чиновниковъ его положенія.

Самихъ пушекъ здѣсь однако не было. Всѣ разговоры въ продолженіи визита, обнаружившіе кромѣ хвастливости и навязчивость нашего хозяина, въ концѣ концовъ привели къ тому, что я долженъ былъ подарить ему револьверъ. Уѣхали мы совершенно успокоенные относительно возможности какихъ либо враждебныхъ намъ служебныхъ мѣропріятій съ его стороны.

За долиной Суйфуна дорога на протяженіи трехъ верстъ подымается на 43 сажени глубокой и широкой короткой падью на возвышенность (186), раздѣляющую долины Сяо-Суйфуна и Селинхэ. Переваль покрытъ кустарниковыми зарослями. Въ небольшомъ распадкѣ, выходящемъ къ Селинхэ, фанза, которая остановила наше вниманіе тѣмъ, что въ ней въ большомъ количествѣ сложены были увязанные тюки добываемаго въ окрестностяхъ солодковаго корня. Отсюда на двухъ верстахъ дорога спускается въ долину Селинхэ и пройдя одну версту лѣвымъ берегомъ вверхъ по долинѣ подходитъ къ фанзѣ Паинбаръ. Широкая и ровная долина устьяна по дну камнями. Высокіе скалистые берега ея сложены изъ метаморфическаго слюдисто-глинистаго сланца. Сосѣднія возвышенности покрыты рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ.

Въ 2¹/₂ верстахъ за Паинбаръ фанза Цзяу-цзен-куй, а въ 300 саженьяхъ далѣе—китайскій административный постъ въ мѣстѣ соединенія трехъ рѣкъ (159), изъ которыхъ крайняя лѣвая, притекающая съ сѣвера, представляетъ главное русло Селинхэ, а двѣ остальные составляютъ ея притоки ¹⁾. Здѣсь въ 1883 году, во время устройства описываемой мною дороги и распределенныхъ по ней карауловъ и постоянныхъ дворовъ, жилъ китайскій генераль, который организовалъ дѣло заселенія этого края. Въ построенной имъ фанзѣ, окруженной высокой бревенчатой оградой, живетъ теперь чиновникъ, заведывающій населеніемъ отъ фанзъ Няп-тя-мынь на Бадао-хэ-цзѣ до рѣки Маціохэ. Фамилія его Цзя-юй-дей. Это высокій, здоровый китаецъ, съ грубымъ и не въ мѣру громкимъ голосомъ.

¹⁾ На пятнадцати верстной картѣ Главнаго Штаба это мѣсто изображено не вѣрно.

Онъ очень обстоятельно, какъ домовитый хозяинъ, устроился въ казенномъ помѣщеніи, имѣеть здѣсь хорошее хозяйство и кромѣ того занимается торговыми оборотами. На всемъ окружающемъ лежитъ печать достатка внимательной заботливости и твердой умѣлой руки. На гумнѣ, уставленномъ скирдами снятаго хлѣба, человѣкъ пятнадцать работниковъ заняты молотъбою; хозяйственные постройки сдѣланы толково и основательно, а во дворѣ, гдѣ каждый предметъ занимаетъ назначенное ему мѣсто,—порядокъ и чистота. Здѣсь мы сдѣлали дневку для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ и подсчета сдѣланныхъ наблюдений. Фанза большая и раздѣлена на нѣсколько комнатъ. Мы заняли комнату смежную съ помѣщеніемъ хозяина, дверь въ которое была отъ насъ плотно завѣшена. Оттуда временами слышался плачь ребенка и какой-то шорохъ. Чувствовалось присутствіе женщины, хотя близость ея можно было только подозрѣвать, такъ какъ она не показывалась, а Цзя-юй-дей, удаляясь на семейную половину или появляясь оттуда, каждый разъ старательно притворялъ дверь и аккуратно оправлялъ запавѣску. Въ разговорѣ онъ также не обнаружилъ, что у него есть здѣсь семья. Это была первая фанза на нашемъ пути отъ Сан-ча-коу съ семейною жизнью. Во всѣхъ же остальныхъ видѣнныхъ нами фанзахъ живутъ лишь безсемейные хозяева по одному или по два, а гдѣ есть при фанзахъ хозяйства, тамъ держатъ еще работниковъ.

У Цзя-юй-дей мы нашли гаолянъ и пополнили нашъ запасъ овса. Онъ самъ удовлетворялъ наши требованія, считалъ снопы гаоляна и поставилъ на ночь работниковъ намолотить намъ къ утру нужное количество овса, но когда мы освѣдомлялись о цѣнѣ получаемого нами, то онъ сейчасъ же старался отстраниться отъ дѣла и начиналъ увѣрять насъ, что все это принадлежитъ не ему, а другому хозяину, а онъ только чиновникъ и такой коммерціей не занимается. На другой день вечеромъ, когда мы пригласили его къ чаю и угостили виномъ, онъ приступилъ къ дѣлу. Объяснивъ себѣ цѣль нашего путешествія намѣреніемъ строить желѣзную дорогу и припимаая это, не смотря на мои возраженія, за дѣло вполне рѣшенное,

онъ торопится заручиться моимъ согласіемъ на сдачу ему по-
дрядовъ и поставокъ и убѣдительно доказываетъ, что онъ един-
ственный надежный предприниматель и поставщикъ для работъ
въ этой мѣстности, что кредитъ его стоитъ прочно на всемъ
пространствѣ отъ границы до Нипуты и т. д. Воодушевляе-
мый идеей выгоднаго дѣла и подъ вліяніемъ выпитаго вина
онъ началъ говорить такъ громко, что его непріятно было
слушать.

«Если Цзя-юй-дей измѣнить своему слову», раздается его
громкій голосъ, «то пусть жизнь его погаснетъ какъ пламя
этой свѣчи» и, для большей наглядности, онъ задуваетъ свѣчку.
Мы неожиданно остаемся въ темнотѣ. Ищемъ спички и зажига-
емъ свѣчу. Опять продолжается рѣчь и съ тѣмъ же заклю-
ченіемъ. Чтобы не сидѣть болѣе въ темнотѣ, мы догадываемся
зажечь вторую свѣчку, которую ставимъ подальше отъ увле-
ченнаго оратора. Его ораторскіе приемы и громкая рѣчь, на-
конецъ, намъ такъ надоѣли, что мы дали ему замѣтить наше
намѣреніе лечь спать. На другой день съ зарею мы двигаемся
въ путь. Дорога идетъ по долинѣ притока рѣки Селицхэ, на-
правляясь къ мѣстности посящей названіе Сан-цай-хэ. Вдоль
рѣчки тянутся, прерываясь мѣстами, кустарниковыя заросли.
Дно долины усыяно острыми обломками камней, а берега ея
образуютъ гранитныя скалы. По дорогѣ въ 1 — 2 верстахъ
другъ отъ друга стоятъ фанзы Чен-жунъ, Цу-ю-энь, У-ин-баръ,
Цзи-дзя-шенъ и Дун-дзя-фанъ (188). Отъ послѣдней фанзы до-
рога сворачиваетъ въ широкую падь Хын-да-хэ. Здѣсь близъ
дороги подъ деревомъ мы нашли человѣческій черепъ, — это
слѣды китайскаго обычая выставять головы казненныхъ пре-
ступниковъ на видныхъ мѣстахъ. Здѣсь казнили хунхуза, го-
лова котораго была вывѣшена на деревѣ. Долго висѣла она
тутъ и много людей прошло и проѣхало мимо, сторонясь отъ
нея, пока атмосферныя вліянія не обратили ее въ черепъ, ко-
торый свалившись на землю лежалъ никѣмъ не тронутый въ
травѣ до нашего проѣзда. Его увезъ докторъ Тенчинскій, ин-
тересовавшійся Маньчжурскими черепами. Въ 3-хъ верстахъ
отъ Дун-дзя-фанъ на подъемѣ стоитъ фанза Гоу-ли-дзинъ (243),

гдѣ ничего нельзя достать ни для лошадей, ни для людей и гдѣ живетъ несчастный хозяинъ ея, разслабленный и истощенный куреніемъ опиума. Отсюда на протяженіи 2-хъ верстъ идетъ крутой подъемъ на хребетъ Тай-нин-линъ (301), служащій водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Суйфунъ и Мурень. По восточному склону хребта обнаженія порфира, а по западному—базальта. На лѣво отъ дороги хребетъ подымаясь скрывается заслоненный ближайшими вершинами, а на право, послѣ пониженной сѣдловины (278) въ вершинѣ рѣчки Хул-ми-хэ, онъ подымаясь уходитъ далеко на сѣверо-востокъ къ покрытымъ хвойнымъ лѣсомъ высокимъ горамъ въ верховьяхъ рѣки Селинхэ. Горы эти должны быть очень высоки; онѣ командуютъ надъ всѣми окрестными высотами и видны даже съ предгорій хребта Кентей-Алинъ. Ближайшая къ намъ вершина имѣетъ видъ правильной пирамиды; двѣ стороны ея, обращенныя къ намъ, кажутся правильными плоскостями, ограничивающія ихъ ребра—прямыми линіями. Вблизи впечатлѣніе такой правильности формы, вѣроятно, нарушилось бы. По перевалу хребта Тай-нин-линъ разбросался рѣдкій и мелкій дубовый лѣсъ. Здѣсь мы видали много тетеревовъ. Вотъ предъ нами, на открытой полянѣ, одиноко-стоящее дерево съ засохшей вершиной. На сухихъ вѣтвяхъ его неподвижно сидятъ пять тетеревовъ. Мы замѣчаемъ ихъ раньше, чѣмъ привлекли ихъ вниманіе. Мосинъ останавливаетъ насъ и, выдѣлившись изъ нашей группы, подходитъ къ тетеревамъ шаговъ на семьдесятъ и становится въ позу стрѣлка, готовящагося къ выстрѣлу. Мы образуемъ молчаливую группу зрителей. Раздается выстрѣлъ и Мосинъ медленно спускаетъ дымящееся дуло, но въ остальномъ картина не измѣняется и дичь и зрители остаются на своихъ мѣстахъ и въ прежнихъ позахъ. Мосинъ медленно цѣлится и стрѣляетъ вторично, но пять тетеревовъ все также сидятъ неподвижно. Еще выстрѣлъ и опять все тѣ же пять. Мосинъ на нѣсколько шаговъ приближается къ дереву и стрѣляетъ; съ трескомъ отлетаетъ отбитый пулею конецъ вѣтки. Вѣтка шатается, нѣсколько пушинокъ вылетаетъ изъ хвоста сидящаго на ней тетерева, онъ нѣкоторое время машетъ крыльями, стараясь удержать равно-

вѣсіе. Три тетерева снимаются и безшумно, плавно улетаютъ по направленію къ сосѣдному лѣсу. Еще одинъ подымается и улетаетъ вслѣдъ за ними. Остается одинъ. Мосинъ стрѣляетъ по немъ. Стрѣляетъ разъ, стрѣляетъ два, стрѣляетъ три, напряженно вглядываясь послѣ каждого выстрѣла въ то мѣсто, куда долженъ былъ упасть убитый тетеревъ; но онъ точно заколдованный: неподвижнымъ изваяніемъ остается на деревѣ. Мы начинаемъ обнаруживать нетерпѣніе. Изъ нашей группы къ Мосину направляется другой охотникъ. Тутъ тетеревъ обернулся, посмотрѣлъ на новаго стрѣлка и снявшись съ дерева направился въ сторону улетѣвшихъ товарищей. Случай этотъ не можетъ однако служить для оцѣнки искусства нашихъ стрѣлковъ, которые вообще были вполне на высотѣ своего охотничьяго призванія и стрѣляли попадавшихся намъ по дорогѣ тетеревовъ и фазановъ въ такомъ количествѣ, что мы питались ими почти все время путешествія. Кромѣ тетеревовъ и фазановъ, попадались намъ часто и козы. Убили также одного кабана.

Съ перевала дорога на 1¹/₂ верстахъ спускается на 58 сажень къ фанзѣ Кун-ян-шу, расположенной въ началѣ широкой долины Маціохэ. Здѣсь живутъ двѣ маньчжурскихъ семьи. Въ день нашего прихода праздновалась свадьба. Къ сожалѣнію, мы не застали свадебныхъ церемоній и могли только наблюдать послѣдствія свадебныхъ угощеній суглею. Бывшія здѣсь женщины не скрывались и держали себя такъ же свободно, какъ и мужчины; онѣ имѣли крупное, здоровое тѣлосложеніе и отличались, кромѣ безобразія, грубымъ и неряшливымъ видомъ. Дѣти еще грязнѣе женщинъ, что не мѣшаетъ имъ однако, повидимому, быть здоровыми и сильными. Матери кормятъ дѣтей до 3—4 лѣтъ. Курятъ трубки и мужчины и женщины и дѣти даже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Въ Кун-ян-шу намъ пришлось наблюдать такую сцену: на капѣ противъ насъ сидятъ двѣ здоровыхъ маньчжурки и мужъ одной изъ нихъ, съ надорваннымъ на свадебныхъ пиршествахъ ухомъ. Въ это время прибѣгаютъ къ нимъ двое ребятъ; одинъ изъ нихъ, здоровый мальчишка лѣтъ трехъ, лѣзетъ на

колѣни къ матери, и она ему даетъ грудь. Насытившись у матери мальчикъ тянется къ отцу и взявши у него изо рта трубку начинаетъ пускать дымъ.

Долина Маціохэ славится своими болотами. Здѣсь, говорятъ, завязло и погибло не мало лошадей; откуда и названіе этой мѣстности «лошадиный мость». Въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Кун-ян-шу переѣзжаемъ рѣчку Маціохэ (206) и затѣмъ около версты поднимаемся по береговому откосу долины, изъ обнаженныхъ скалъ діабазъ къ фанзѣ Юй-дзя-фанъ (246). Отсюда три версты поднимаемся на хребетъ Хулу-ми-линъ (280), раздѣляющій притоки рѣки Мурень: Хул-ми-хэ и Яо-лин-цза. Дорога каменистая; по сторонамъ рѣдкія заросли лѣса. Изъ-за поворота дороги намъ на встрѣчу выѣзжаетъ всадникъ, держа ружье передъ собой на сѣдлѣ, а за нимъ еще нѣсколько всадниковъ, сопровождающихъ двухколесныя крытыя арбы, завѣшанныя циновками. Это переѣзжаетъ въ Сан-ча-коу семья Цюй-цзо-ина. Изъ-за приподнятаго края покрововъ арбы мелькають черныя глаза и яркіе цвѣта одеждъ. Ъдущій рядомъ всадникъ подѣзжаетъ вплотную къ арбѣ и заслоняетъ отъ насъ любопытныхъ путешественницъ. Тяжело громяхаютъ по камнямъ неуклюжія колеса китайскихъ арбъ, шагомъ движутся сопровождающіе ихъ всадники и поѣздъ медленно удаляется.

Изъ бывшихъ раньше дорожныхъ встрѣчъ вспоминаются лишь: груженныя телѣги, транспортирующія товары между Никольскомъ и Нингутой; одно стадо быковъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ всадниковъ и два стада черныхъ свиней, которыхъ гнали въ Уссурійскій край. Каждое стадо состояло изъ 30—50 штукъ, а пастуховъ при нихъ было лишь по два. При встрѣчѣ съ нами глупыя животныя въ дикомъ испугѣ, съ хрюканьемъ начинали метаться по дорогѣ, кидаясь изъ стороны въ сторону и все стадо, разбившись на кучи, устремлялось въ разныхъ направленіяхъ. Попадались намъ и пѣшеходы, обыкновенно группами по 4—6 человѣкъ, съ тюками на спинахъ. Характерная особенность, что въ числѣ вещей такихъ путниковъ есть непременно теплое одѣяло

байковое или ватное, которое нерѣдко составляет все имущество рабочаго. Въ долинѣ Ба-дао-хэцзы встрѣтили мы одинокаго путника, направлявшагося къ нашей границѣ. На плечахъ у него было гибкое коромысло, къ концамъ котораго на веревкахъ были подвѣшены деревянные ящики; это цирюльникъ, къ услугамъ котораго, въ виду необходимости, для поддержанія національной прически—подбрѣвать голову прибѣгаютъ всѣ китайцы отъ богача до бѣдняка.

Съ перевала Хул-ми-линъ, по скалистому ущелью съ обнаженіями діабазы, спускаемся къ фанзѣ Гуи-шу (165) въ пяти верстахъ отъ перевала. Далѣе дорога идетъ по дну долины Йо-лин-за-хэ; ея скалистые отвѣсные берега изъ діабазы. Въ откосѣ праваго берега—каменоломня, гдѣ камнетесы занимаются изготовленіемъ жернововъ и катковъ. Въ четырехъ верстахъ отъ Гуи-шу еще фанза (150), отъ которой идетъ подъемъ на протяженіи $4\frac{1}{2}$ верстъ на хребетъ Йо-лин-за (202). Этотъ хребетъ недалеко оканчивается, ограниченный долинами рѣкъ Йо-лин-за-хэ и Мурень. Съ перевала, послѣ двухъ верстъ спуска, выѣзжаемъ въ долину Мурень (134). Рѣка Мурень, (въ меженнюю воду—шириною 18 саж. и глубиною—0,40 саж.) образованная сліяніемъ трехъ рѣкъ Да-ши-тау, Мо-лин-хэ и Сяо-Шитау, протекаетъ по дну широкой и ровной долины съ высокими, крутыми, скалистыми берегами. Мы ѣдемъ вдоль праваго берега долины, по которому видны обнаженія базальта. По долинѣ разбросаны пашни. Послѣ Суйфуна это первая долина, на нашемъ пути, пригодная для заселенія. Теперь по Мурени считается до двухсотъ фанзъ. Населеніе группируется близъ крѣпости Мурень-хэ, образуя здѣсь зачатки будущаго города. Крѣпость Мурень-хэ расположена по серединѣ долины, на отдѣльной возвышенности, отвѣсными скалами падающей къ омывающей ее съ юга рѣкѣ и полого спускающейся на сѣверъ внизъ по долинѣ. Она состоитъ изъ четырехъ фанзъ, обнесенныхъ глиняной стѣной. Вблизи оставшіеся рвы и земляные валы—остатки стариннаго укрѣпленія. Отсюда поселенія изъ группъ по 10—15 фанзъ, расположенныхъ въ одну улицу, вдоль дороги тянутся съ промежутками въ 1—3 вер-

сты внизъ по долинь до устья рѣки Йо-лин-за-хэ. Далѣе идутъ лишь отдѣльныя фанзы съ большими пустующими пространствами между ними до сгруппированнаго у устья р. Хул-ми-хэ поселенія въ 15—20 фанзъ.

Я отсталъ нѣсколько отъ своихъ спутниковъ при въѣздѣ въ селеніе Мурень-хэ и когда пріѣхалъ, то засталъ уже въ занятомъ нами помѣщеніи визитера; это былъ Чу-чанъ ¹⁾ — начальникъ расположеннаго въ мѣстной крѣпости караула. Чу-чанъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста и почтительнаго вида, съ выраженіемъ даже нѣкоторой приниженности. Вскорѣ явился и другой визитеръ Чжу-цюанъ, начальникъ отдѣленія по сбору поземельныхъ податей. Онъ завѣдуеть населеніемъ по Муреню. Чжу-цюанъ тоже небольшого роста, но еще молодой съ полнымъ улыбающимся лицомъ и съ мягкими манерами. Во всемъ его обхожденіи замѣтно стремленіе возбудить къ себѣ симпатію и заслужить расположеніе. При входѣ въ комнату Чжу-цюана, Чу-чанъ всталъ и стоялъ все время пока Чжу-цюанъ знакомился и здоровался съ нами, а затѣмъ между ними начался обменъ церемонныхъ вѣжливостей и упрасиваній садиться первымъ.

Визитъ ихъ продолжался недолго. Я съ г. Мосинымъ отдавалъ имъ визиты. Чу-чанъ живетъ въ крѣпости. При нашемъ посѣщеніи у входа въ его помѣщеніе были выстроены въ шеренгу человекъ десять какой то сбродной команды. Чу-чанъ встрѣтилъ насъ извиненіями въ неприглядности того помѣщенія, гдѣ онъ насъ принималъ и которое дѣйствительно мало соответствовало нашимъ понятіямъ о чистотѣ и удобствѣ. Пили, по обыкновенію, китайскій чай, который можно привыкнуть пить также часто и машинально, какъ и курить. Чу-чанъ скоро свелъ разговоръ на послѣднюю Японско-Китайскую войну, которая такъ поразила китайцевъ, что даже при ихъ своеобразной ломкѣ и склонности, не стѣсняясь искаженіемъ фактовъ, толковать всѣ политическія событія въ пользу своей національ-

¹⁾ Если я не ошибаюсь, что можетъ быть, такъ какъ я смѣшалъ его визитную карточку съ карточками другихъ двухъ знакомыхъ китайцевъ: Чао-сень и Юн-шо.

ной гордости — они растерялись. «И кто бы могъ подумать, разсуждаетъ Чу-чанъ», что такой маленькій народъ побѣдитъ наши войска; да съ ними нельзя и воевать уныло заключаетъ онъ, «когда ихъ еще не видно, а они уже убиваютъ». И въ его словахъ слышится укоръ жалобы на какое-то нарушеніе высшей справедливости по отношенію къ его родной странѣ.

Съ крѣпостной возвышенности открывается красивый видъ вверхъ по долинѣ Муреня, которая недалеко отсюда образуется слияніемъ трехъ составляющихъ ее рѣкъ: Даши-таю, Малинхэ и Сяо-Шитау ¹⁾. Крѣпость занимаетъ ровную площадь въ 30—40 сажень въ сторонѣ и никакого интереса ни въ строительномъ, ни въ военномъ отношеніи не представляетъ и даже врядъ ли оправдываетъ свое названіе крѣпости, въ общепринятомъ смыслѣ.

Распростившись съ Чу-чаномъ, мы отправились къ Чжу-цюану. Живетъ онъ въ новомъ казенномъ помѣщеніи. Въ воротахъ разставлены по обѣимъ сторонамъ палки, служащія для наказанія виновныхъ. Въ фанзѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе оригинальное устройство досчатой переборки, раздѣляющей двѣ комнаты. Въ этой переборкѣ вмѣсто дверей сдѣлано эллиптической формы отверстіе почти во всю стѣпу. Элипсъ вытянутъ по горизонтальной оси и не доходитъ до полу на полъ-аршина, такъ что переборка образуетъ какъ бы рамку вокругъ отверстія, черезъ которое видно убранство сосѣдней комнаты. При соотвѣтственной обстановкѣ, такое устройство можетъ быть очень декоративнымъ, хотя не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, шагая черезъ поднимающуюся надъ поломъ часть переборки, приходится высоко поднимать ноги. Въ верхней части переборки красивая оригинальная рѣзба. Чжу-цюанъ объяснилъ, что такое устройство принято въ южномъ Китаѣ, о которомъ онъ вспоминаетъ съ грустью. Тамъ, у него на родинѣ, всегда тепло и зрѣютъ вкусные фрукты. Здѣсь же онъ тоскуетъ по оставленной на родинѣ семьѣ и жалуется на скуку и тяжелыя ус-

¹⁾ Эти названія мнѣ сообщили Чу-чанъ.

ловія жизни. «Вотъ отъ нечего дѣлать собралъ ребятишекъ и обучаю ихъ грамотѣ», говорить онъ, указывая на группу сидящихъ въ сосѣдней комнатѣ мальчиковъ.

Вечеромъ мы обѣдали у Чжу-цюана. Такъ какъ вечеръ былъ морозный, а температура фанзы, благодаря системѣ постройки, мало отличается отъ наружной, то для того, чтобы не застывали кушанья, обѣдъ былъ приготовленъ особымъ образомъ. Обѣденный столъ былъ уставленъ маленькими тарелочками, на которыхъ были разложены въ сыромъ видѣ наръзанные и вполне приготовленные для варки всѣ матеріалы, предназначенные для обѣда, тутъ было наръзанное ломтиками мясо, рыба, овощи и проч. Когда мы заняли мѣста за столомъ, былъ внесенъ приборъ, представляющій совершенное подобіе нашего самовара, отъ котораго онъ отличался лишь тѣмъ, что не имѣлъ крана и тѣмъ еще, что внутреннее помѣщеніе его, куда наливается вода, было раздѣлено жестяными перегородками, по направленію отъ наружной поверхности къ трубѣ, на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ кипѣла вода. Хозяинъ беретъ приготовленные на тарелочкахъ припасы и, распредѣляя ихъ соотвѣтственнымъ образомъ по отдѣленіямъ самовара, приготовляетъ обѣдъ. Благодаря тому, что всѣ матеріалы для кушаній были наръзаны мелкими кусочками, обѣдъ сварился очень скоро. Обѣдающіе накладываютъ себѣ на тарелки кушанья по немногу и затѣмъ, возобновляя порціи, имѣютъ возможность ѣсть ихъ на холодѣ теплыми. Не отсюда ли возникло изобрѣтеніе и нашего самовара, идея устройства котораго могла быть завезена къ намъ вмѣстѣ съ чаемъ еще въ тѣ времена, когда наши предки имѣли помѣщенія, про которыя, какъ про китайскія фанзы, можно сказать: «наша горница съ Богомъ не спорится».

На другой день, раннимъ утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ, Чу-чанъ приходилъ проститься съ нами, а Чжу-цюанъ, опоздавшій къ нашему отъѣзду, догналъ насъ уже въ дорогѣ и долго еще шелъ съ Мосинымъ, изливая передъ нимъ свои семейныя скорби и выражая ему свою симпатію. Однако эти сантиментальности должно быть вызывали у Мосина больше раздраженія, неужели сочувствія, такъ какъ задержанный сво-

имъ собесѣдникомъ, онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ и черезъ то отсталъ отъ насъ—уѣхавшихъ впередъ.

Дорога отъ селенія, перерѣзавъ долину, круто взбирается на высокій скалистый лѣвый берегъ ея и, поднявшись на четырехъ верстахъ на сто сажень, идетъ далѣе по возвышенному плоскогорію съ рѣдкой древесной растительностью. Справа и слѣва дороги тянутся широкія и глубокія долины притоковъ Муреня Дао-Шитау и Люмо-за-хэ. Въ $10\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Муреня-фанза, за нею въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ строится новая фанза, а въ 4-хъ верстахъ далѣе—фанза Гаменши (277) въ вершинѣ пологого и плоскаго распадка долины Хуй-ши-гоу, впадающей въ Люмо-за-хэ.

Близъ фанзы Гаменши около источника воды есть камень, отъ котораго фанза получила свое названіе и который составляетъ мѣстную достопримѣчательность. Китайцы придаютъ ему какое-то особенное значеніе, просятъ его осмотрѣть и съ воодушевленіемъ стараются объяснить его особенности. По вѣшнему виду онъ представляетъ сѣрый валунъ діабазы; верхъ его гладко отшлифованъ, образуя горизонтальную площадку, около аршина въ діаметрѣ и на ней видно нѣсколько острыхъ и старыхъ, частью сглаженныхъ временемъ, порѣзовъ, какъ бы случайно сдѣланныхъ ножомъ. По объясненіямъ китайцевъ, насколько можно было въ нихъ разобраться, этотъ камень когда-то и кому-то служилъ столомъ, на которомъ замѣшивали хлѣбъ. Насколько вѣрно это преданіе и къ какому періоду времени исторіи страны оно относится—узнать не удалось.

Въ 7-ми верстахъ за Гаменши — фанза Тай-ма-гоу (296). На этомъ перегонѣ, проѣзжая близъ одного изъ стоящихъ у дороги деревьевъ, я замѣтилъ у себя надъ головою какой-то предметъ, который, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался подвѣшенною за косу къ дереву головою казеннаго хунхуза; уши на головѣ были обрѣзаны, для представленія по начальству въ доказательство совершенной казни. Голова помѣщалась въ грубо сдѣланной деревянной клѣткѣ особаго устройства, на дно которой она упиралась ровнымъ разрѣзомъ своей

шен. Казнь была совершена еще весною. Мѣстность эта вообще считается опасной и намъ совѣтовали быть здѣсь осторожниѣе, держаться всѣмъ вмѣстѣ и не удаляться отъ дороги. Этимъ вѣроятно объясняется то обстоятельство, что здѣсь караулы поставлены всего въ разстояніи 6—7 верстъ другъ отъ друга, а именно въ фанзахъ: Гаменши, Тай-ма-гоу и Ши-то-мяу.

Въ пяти верстахъ за фанзой Тай-ма-гоу мы поднимаемся на переваль хребта Чан-лин-цза (330), который имѣетъ общее направленіе болѣе или менѣе близкое къ меридіану. Онъ служить водораздѣломъ между системами рѣкъ Уссури и Сунгари и подъ разными названіями тянется на сѣверо-востокъ, на протяженіи около пятисотъ верстъ. Разстояніе отъ водораздѣла до Муреня—около тридцати верстъ, а до Мудань-Дзяна $32\frac{1}{2}$ версты. Отъ главнаго хребта на востокъ и западъ отдѣляется рядъ параллельныхъ хребтовъ, служащихъ водораздѣлами между притоками рѣкъ Мурень и Мудань-Дзянь. Гребни этихъ хребтовъ, имѣя характеръ плоскогорій съ отдѣльно стоящими сопками, находятся приблизительно въ одномъ горизонтѣ съ гребнемъ хребта Чан-лин-цза. Сохраняя свою высоту на всемъ протяженіи между рѣками Мурень и Мудань-Дзянь и хребтомъ Чан-лин-цза (Кентей Алинь), эти второстепенные хребты круто обрываются въ долины рѣкъ, образуя высокіе, скалистые берега Муреня, Мудань-Дзяня и ихъ притоковъ. Такимъ образомъ, все описанное пространство имѣетъ видъ возвышеннаго плоскогорія, ограниченнаго съ востока и запада глубокими и широкими долинами, по которымъ извиляются рѣки Мурень и Мудань-Дзянь и прорѣзаннаго параллельными глубокими ущельями притоковъ этихъ рѣкъ.

Съ перевала начинается спускъ на западъ. Стекающія въ этомъ направленіи рѣчки: Післадза, Піенза, Тя-ми-фунь, Хуан-чи-линь и Хой-чи-линь, разбросившись своими вершинами, въ видѣ узкихъ скалистыхъ ущелій на протяженіи двадцати верстъ вдоль хребта и имѣя долины съ крутыми скалистыми берегами при длинѣ въ 7—10 верстъ падаютъ на 100—150 саженъ и направляясь по радісамъ соединяются у подошвы западнаго склона хребта на горизонтѣ 125 саженъ, образуя сліяніемъ

рѣку Модоши, которая течетъ въ Мудань-Дзинь по широкой и ровной долинѣ. Эта долина съ востока заперта скалистыми возвышенностями, между которыми прорываются названныя выше рѣки. Отсюда окружая долину, возвышенности тянутся по правому берегу ея вплоть до Мудань-Дзяня. По лѣвому берегу долины Модоши возвышенности тянутся до пункта Джао-дянь, гдѣ онѣ, круто отступая на Югѣ, удаляются отъ долины и лѣвый берегъ ея принимаетъ далѣе пологій холмистый характеръ. Гребень хребта Чан-лин-за покрытъ хвойнымъ лѣсомъ смѣшанныхъ породъ; широко раскинули свои вѣтви съ темно-зеленою хвоей могучіе кедры и сосны и точно громадныя иглы торчатъ между ними высокіе и топки голые стволы лиственницъ съ жалкими обломками сухихъ тонкихъ вѣтвей, унизанныхъ черными шариками неосыпавшихся шишекъ.

Въ одной верстѣ отъ перевала въ вершинѣ рѣчки Пиенза стоитъ фанза Ши-то-мяо (305). Пиенза—это граница культурной Маньчжуріи на нашемъ пути. За нами осталась пустынная страна съ возникающими лишь въ послѣднее время зачатками культурной осѣдлости. До устройства описанной мною дороги и караульныхъ постовъ и постройки названныхъ мною фанзъ съ водвореніемъ въ нихъ на казенныя средства выходцевъ изъ Китая здѣсь бродили лишь одинокіе таежники розыскивая чудодѣйственный корепъ жень-шенъ, промышляя цѣлебные панты ¹⁾ и собирая лакомые дубовые грибы.

Но въ отдаленную эпоху глубокой древности страна оживляется движеніемъ дикихъ воинственныхъ племенищъ по пройденному нами пути между Суйфуномъ и Мудань-Дзяномъ. Исто-

¹⁾ Панты—рога изюбря. Въ апрѣлѣ и маѣ самецъ мѣняетъ старые твердые рога на мягкіе, покрытые шерстью и налитые студенистой кровяной массой. За такіе рога, смотря по количеству массы, промышленникъ-охотникъ получаетъ отъ 60 до 400 руб. Приготовленный въ видѣ порошка или настоя продуктъ, этотъ по мнѣнію китайцевъ, производитъ дѣйствіе жизневозбудителя.

Дубовые грибы темно-коричневаго цвѣта растутъ на гниющихъ дубовыхъ стволахъ. Они считаются въ Китаѣ лакомствомъ. Мы, однако, нашли ихъ довольно безвкусными.

рическая жизнь этой части Маньчжуріи начинается съ VIII вѣка, когда изъ Тунгузскихъ племень Южно-Уссурійскаго края и Сунгарійскаго бассейна организуется самостоятельное государство подѣ именемъ Бохайскаго королевства. «Оно возникло благодаря корейскимъ выходцамъ, бѣжавшимъ за Тюмень-улу, послѣ разгрома Кореи, произведеннаго во второй половинѣ VII ст. китайцами, и явилось наиболѣе дѣятельнымъ проводникомъ корейско-китайской культуры въ названныхъ лѣсныхъ районахъ съ ихъ охотничьимъ населеніемъ, которое на востокъ отъ Уссури употребляло въ то время еще каменные орудія». Развалины древнихъ городовъ въ нашемъ краѣ частью относятся именно въ этой эпохѣ. Бохайская столица была около Нингуты; въ это же время сюда проникла китайская письменность и упрочилось земледѣліе.

Въ началѣ X вѣка въ восточной Монголіи усиливается монголо-маньчжурское племя киданей и тогда же овладѣваетъ Бохаемъ, Амуромъ и сѣверной Монголіей вплоть до Алтая, и затѣмъ частью сѣвернаго Китая. Почти вся исторія этого государства, основавшаго города въ Маньчжуріи и восточной Монголіи, прошла въ войнахъ съ китайцами. Тѣмъ не менѣе кидане извѣстны какъ второй культурный народъ востока, придумавшій въ 920 году свое собственное слоговое письмо.

За киданями, въ началѣ XI вѣка, на мѣстѣ Бохая возникаетъ опять самостоятельное тунгусское (чжурчженьское) государство Гинь или Золотое. Это государство подчинило себѣ всѣ владѣнія киданей и захватило весь сѣверный Китай вмѣстѣ съ Пекиномъ, гдѣ и учредило свою главную столицу. Въ лѣтописяхъ этого государства, какъ и при киданяхъ, уже явственно упоминается Суйфунскій округъ подѣ его нынѣшнимъ названіемъ. Въ этомъ округѣ шла борьба гинцевъ или чжурчжей съ корейцами и окончилась вытѣсненіемъ послѣднихъ.

Въ началѣ XIII вѣка поднимаются съ Офона монголы Чингисъ-хапа, сокрушаютъ въ прахъ гинское царство, заливаютъ кровью всю Азію, проникаютъ въ Европу и налагаютъ свою руку на Россію. Одновременно съ тѣмъ они завоевываютъ весь Китай. Монголы были изгнаны изъ Китая во второй половинѣ

XIV вѣка. Въ XV ст. надъ всей Монголіей и Маньчжуріей установилась власть Китая.

Наконецъ въ началѣ XVII ст. на сцену опять выступаютъ тунгусскія племена, въ видѣ пышнѣйшихъ маньчжуровъ. Набирая силы для борьбы съ Китаемъ они предпринимаютъ походы на Амуръ и въ Уссурійскій край для захвата плѣнныхъ. Такіе походы предпринимались къ Суйфуну въ промежутки между 1607 и 1615 годами и за это время по отрывочнымъ даже свѣдѣніямъ было выведено свыше 20.000 душъ, еще больше, разумѣется, разбѣжалось, а часть погибла въ битвахъ. По этимъ цифрамъ можно судить о значительности тогдашняго населенія края. Этими-то походами и былъ въ конецъ разоренъ здѣшній районъ, обратившійся послѣ того въ безлюдную почти пустыню, кѣторою очень быстро овладѣла лѣсная растительность, уничтоживъ, гдѣ можно, всѣ слѣды бывшей бохайской и гинской культуры, продолжавшей до этого существовать и при монголахъ и при китайцахъ¹⁾».

Таково историческое прошлое этого края. Но если въ половинѣ XVII столѣтія «Ермакъ и его послѣдователи, проникая постепенно отъ Урала къ берегамъ Тихаго Океана, находили всюду только мелкіе народцы, съ первичными лишь зачатками гражданственности, если, наконецъ, какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ, Муравьевъ и Невельскій встрѣтили на берегахъ Амура и Уссури только глушь и безлюдье»—то казалось бы недостаточно осторожно заключать, что этимъ безлюдьемъ Амурско-Уссурійскій край былъ обязанъ только Маньчжурскимъ походамъ. Я думаю, что въ этомъ участвовали и если неисключительно, то въ значительной степени на это вліяли естественныя природныя условія края, съ которыми и намъ теперь едва подъ силу бороться.

Вслѣдствіе обилія влаги и непрерывныхъ лѣтнихъ дождей погибаютъ посѣвы, а вызываемыя разливами рѣкъ наводненія, разоряютъ цѣлые районы, гдѣ въ теченіи десятковъ лѣтъ уже успѣли окрѣпнуть поселенія.

¹⁾ Приведенная историческая справка заимствована мною изъ сообщенія В. Панова въ Обществѣ Изученія Амурскаго края. 12 января 1896 г.

Въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ и притомъ, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ, сохранившихъ слѣды древней культуры, а именно по Суйфуну и Даубихэ, періодически повторяются наводненія, когда внезапно разбушевавшіяся рѣки при страшномъ ураганѣ и непрерывномъ ливнѣ Тайфуна, представляя грозную стихійную силу, сносятъ безслѣдно дома, разрушаютъ цѣлыя деревни и уносятъ людей, не успѣвшихъ спастись на ближайшія возвышенности.

Въ меньшей степени бѣдствія отъ наводненій то здѣсь, то тамъ повторяются почти каждое лѣто. За извѣстный мнѣ періодъ времени, начиная съ 1891 года, въ Уссурійскомъ краѣ было только одно сухое лѣто въ 1893 году. Въ этотъ годъ хозяйства нашихъ крестьянъ имѣли цвѣтущій видъ и заселеніе края сдѣлало большой шагъ впередъ. Но въ другіе годы, когда, кромѣ непрерывныхъ дождей, населеніе разорялось еще чумной эпизоотіей и сибирской язвой, отъ которой гибли и лошади и люди, оно едва ли было бы въ состояніи долго продержаться безъ правительственной поддержки. Повтореніе такихъ бѣдствій, съ которыми могли совпасть по времени и опустошительныя нашествія маньчжуръ, вѣроятно, и привело къ гибели существовавшую здѣсь ранѣе культуру, заставило бѣжать въ другіе края уцѣлѣвшее населеніе и лишило возможнаго возрожденія опустошенныя, но бывшія раньше культурными, земли.

Въ такомъ объясненіи, нисколько не претендуя на непреложность, я передаю лишь свое субъективное впечатлѣніе. Но и въ цвѣтущій періодъ исторіи культурной жизни страны, судя по сохранившимся остаткамъ древнихъ земляныхъ сооружений и каменнымъ памятникамъ, на пройденномъ нами пути, населеніе группировалось лишь по долинѣ Суйфуна, а далѣе на всемъ пространствѣ до Модоши не встрѣчается никакихъ слѣдовъ древней культурной жизни и нѣтъ благоприятныхъ условій для развитія ея въ будущемъ; всюду скалистые горные хребты, покрытые рѣдкимъ лиственнымъ лѣсомъ и каменистыя горныя долины съ тонкимъ поверхностнымъ слоемъ наносной растительной почвы.

Отъ фанцы Шито-мяо дорога вдоль рѣчки Піенза быстро

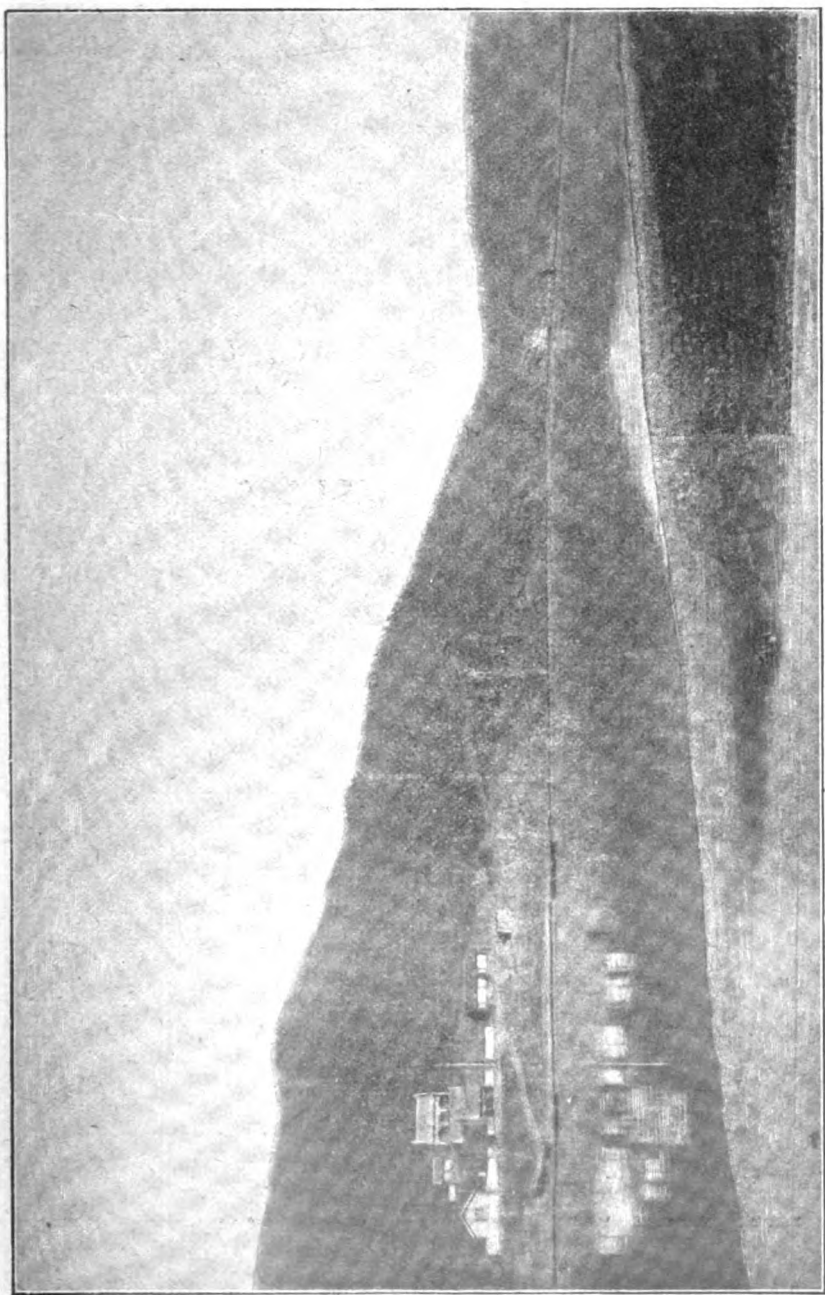
сбѣгаетъ къ устью ея у сліянія съ рѣчкой Тя-ми-фунь и, обогнувши высокую коническую сопку съ раздвоенной вершиной, соединяется съ описанной мною раньше старой южной дорогой изъ Сапъ-ча-коу въ Нингуту и выходитъ къ началу ровной долины Модоши (125) шириною около одной версты и длиною двадцать верстъ. По дну долины разбросаны пашни. Населеніе распредѣлено по всей долинѣ группами отъ двухъ до десяти фанзъ, сгущаясь къ устью р. Модоши. Здѣсь уже не пришлое китайское, а коренное маньчжурское населеніе. За Модоши дорога пріобрѣтаетъ нѣкоторое благоустройство и становится болѣе удобопрѣзжей; полотно ея ровнѣе и черезъ встрѣчные ручьи перекинуты мостики. Пройдя десять верстъ по долинѣ дорога выходитъ на лѣвый холмистый берегъ ея и, переваливши черезъ уваль, подходитъ къ двумъ фанзамъ, стоящимъ у ручья Джао-дянь (123). Далѣе, огибая хребетъ Гоудао-лип-ца по покрытымъ зарослями орѣшника ровнымъ скатамъ предгорій его, дорога подымается на возвышенность (160), у подножія которой разстилается долина Эхэ (134). Внизъ по долинѣ до Мудань-дзяня идутъ обработанныя поля съ группами фанзъ и разбросанными между ними рощами деревьевъ. Внизу противъ насъ и направо за рѣчкой вдоль берега долины стоятъ импани, родъ военныхъ укрѣпленій. Каждый импань представляетъ прямоугольную площадь, окруженную толстой высокой глиняной стѣной съ зубчатымъ парапетомъ по наружному краю. По угламъ стѣнъ и надъ воротами возвышаются затѣливыя башни. По серединѣ огражденнаго пространства, насколько можно разсмотрѣть, стоитъ отдѣльное зданіе, занятое полковникомъ, командующимъ импанемъ; вдоль стѣнъ также видны постройки, а между ними свободная ровная площадь, раздѣленная на четыре внутреннихъ двора. Каждый импань служитъ для помѣщенія одной лянзы (баталіона). На спускъ въ долину Эхэ мимо насъ скачетъ группа встрѣчныхъ всадниковъ, успѣвающихъ перекинуться съ Мосинымъ нѣсколькими отрывистыми фразами, изъ которыхъ Мосинъ догадывается, что это посланный изъ Нингуты по нашему пути чиновникъ отправляется для провѣрки распространившагося слуха, что слѣ-

домъ за нами идетъ отрядъ солдатъ. Объ этомъ насъ уже не разъ спрашивали въ дорогѣ. Когда мы подъѣзжали къ рѣчкѣ Эхэ, то по противоположному берегу съ крѣпости и сосѣднихъ фанзъ къ намъ навстрѣчу бѣгомъ устремились люди, которые вскорѣ образовали вокругъ насъ шумную толпу. Насъ оставляли и приставали къ намъ съ какими-то настойчивыми разспросами, которыхъ мы не понимали и, побуждаемые волновавшимся и торопившимъ насъ Мосинымъ, стѣпили скорѣе выѣхать изъ толпы и проѣхать мимо импаня, вблизи котораго проходить дорога. Оттуда раздается разыгрываемый на трубѣ военный сигналъ. По стѣнамъ импаня, выглядывая изъ-за парапета ихъ, перебѣгаютъ солдаты. Надъ башнями и стѣнами на длинныхъ древкахъ развѣваются флаги, которые, кажется, составляютъ постоянное украшеніе импаня. Мы проѣзжаемъ рысью. Мосинъ, однако, вынужденъ остановиться и слѣзть съ лошади для объясненій, изъ-за которыхъ намъ ненадолго пришлось остановиться, поджидая его. Скоро онъ насъ догналъ. Оказалось, что толпа состояла, главнымъ образомъ, изъ солдатъ и они требовали объясненій: почему мы разсматривали съ возвышенности ихъ крѣпость въ бинокль? Почему мы ѣдемъ такъ близко отъ крѣпости? и проч. въ томъ же родѣ.

Назойливое приставанье толпы хотя не было угрожающимъ, но было непріятно и мы были довольны, когда она осталась за нами. За крѣпостью по холмистой возвышенной и открытой мѣстности съ некрутыми подъемами и спусками дорога идетъ до селенія Туай-шан-цзя (121). Мы въѣзжали сюда подъ вечеръ. Селеніе расположено въ низинѣ и имѣетъ нѣсколько улицъ съ высокими заборами. Между постройками разбросаны вѣтвистыя деревья. На улицѣ противъ воротъ одной изъ фанзъ на высокихъ шестахъ устроена будка, обтянутая циновками. Оттуда разносится нестройная китайская музыка цѣлаго оркестра. Мы принимаемъ это за временной пріютъ комедіантовъ и подъѣзжая ждемъ, что изъ будки выскочитъ «петрушка», но убѣждаемся въ ошибкѣ и рѣшаемъ, что здѣсь свадьба. Оказалось—похороны. Близость расположенія китайскихъ солдатъ, отличающихся распушенностью и пользующихся

въ Китаѣ самой дурной репутаціей, заставила насъ позаботиться о предупрежденіи возможнаго недоразумѣнія съ ними. Ворота въ наше помѣщеніе были заперты. Костеръ для приготовления ужина развели во дворѣ и никто изъ нашихъ людей со двора не отпускался. Поздно вечеромъ къ намъ явились три солдата и заявили, что они присланы изъ импаня сопровождать насъ до Нингуты и хотя намъ это не было особенно пріятно—пришлось покориться. На слѣдующій день съ зарею мы двинулись дальше. Дорога идетъ по холмистой, открытой мѣстности восемь верстъ до пункта, съ котораго она круто спускается въ долину Мудань-дзянь къ подошвѣ высокаго, скалистаго праваго берега ея, дѣлающаго здѣсь крутой заворотъ. Прижимаясь къ этомъ берегу долины и слѣдуя за изгибомъ его протекаетъ рѣка Мудань-дзянь (104). Ширина рѣки 50 сажень, а средняя глубина ея 0,60 сажень. Теченіе такъ медленно, что едва замѣтно. Вода мутная. На высокой терасѣ скалистаго праваго берега долины, красиво выдѣляясь, бѣлѣютъ постройки обнесенной высокой стѣнной кумирни, а на противоположной сторонѣ за рѣкой открывается обширная равнина Мудань-дзяня, окаймленная синѣющими вдали на горизонтѣ горами. Здѣсь устроена паромная переправа. Послѣ переправы ѣдемъ тщательно обработанными полями. Ландшафтъ оживляется разбросанными группами деревьевъ и фермерскими фанзами. По дорогѣ большое движеніе; проходятъ караваны изъ щегольски завьюченныхъ муловъ, щелкаютъ длинные бичи погонщиковъ, сидящихъ на тяжело нагруженныхъ двухколесныхъ арбахъ съ запряжкой въ 5—7 дружно сѣзженныхъ лошадей въ оригинальной легкой упряжи, проѣзжаютъ маньчжурскіе всадники на низкорослыхъ, невзрачныхъ лошаденкахъ мѣстной породы, медленно движется арба, которую везетъ одинъ быкъ и на которой высоко взмостившись возсѣдаетъ разодѣтая китаянка съ ярко покрашенной фizioноміей и съ массивными серебряными украшеніями въ чудовищной прическѣ.

Историческое прошлое этого района насчитываетъ болѣе двѣнадцати столѣтій. Во второй половинѣ VII вѣка здѣсь была столица могущественнаго Бохайскаго королевства. Послѣдую-

Р. Мудан-Даянь. Переправа по дорогѣ въ Нингуту.

щіе вѣка сохраняютъ также за Нингүтой политическое значеніе и отводятъ ей почетное мѣсто въ Маньчжуро-Китайской исторіи, какъ родинѣ нынѣ царствующей въ Дайцинской Имперіи династіи. Городъ Нингүта (110) расположенъ на плоской мѣстности лѣваго берега Мудань-Дзяна и издали показывается сѣрою массою низкихъ построекъ. Не доѣзжая 2—3 верстъ до города мы были встрѣчены группою всадниковъ, которые при нашемъ приближеніи спѣшили и стоя передали, что они посланы фудутунюмъ провести насъ въ городъ и указать отведенное намъ помѣщеніе, а затѣмъ они вскочили на лошадей и поскакали впереди насъ.

При вѣздѣ въ предмѣстье первое впечатлѣніе получается отъ расположеннаго здѣсь кладбища безъ могилъ. У самой дороги на право подъ тѣнью нѣсколькихъ развѣсистыхъ деревьевъ, на поверхности земли въ безпорядкѣ разбросаны гробы. Нѣкоторые изъ нихъ развалились и показываютъ истлѣвшіе трупы; тутъ же лежатъ и трупы совсѣмъ безъ гробовъ.

Въ странѣ, гдѣ культъ служенія предкамъ и почитанія покойниковъ, основанный на вѣрѣ въ существованіе прочной связи между живыми и умершими, проникаетъ во всѣ сферы частной жизни и отражается на общественномъ строѣ народной жизни; такая картина меня поразила. Мнѣ объяснили, что это кладбище бѣдныхъ, которыхъ по смерти кладутъ здѣсь, предоставляя сердобольнымъ людямъ пожертвовать для нихъ гробъ и уложить въ него покойника. Не знаю, насколько это вѣрно.

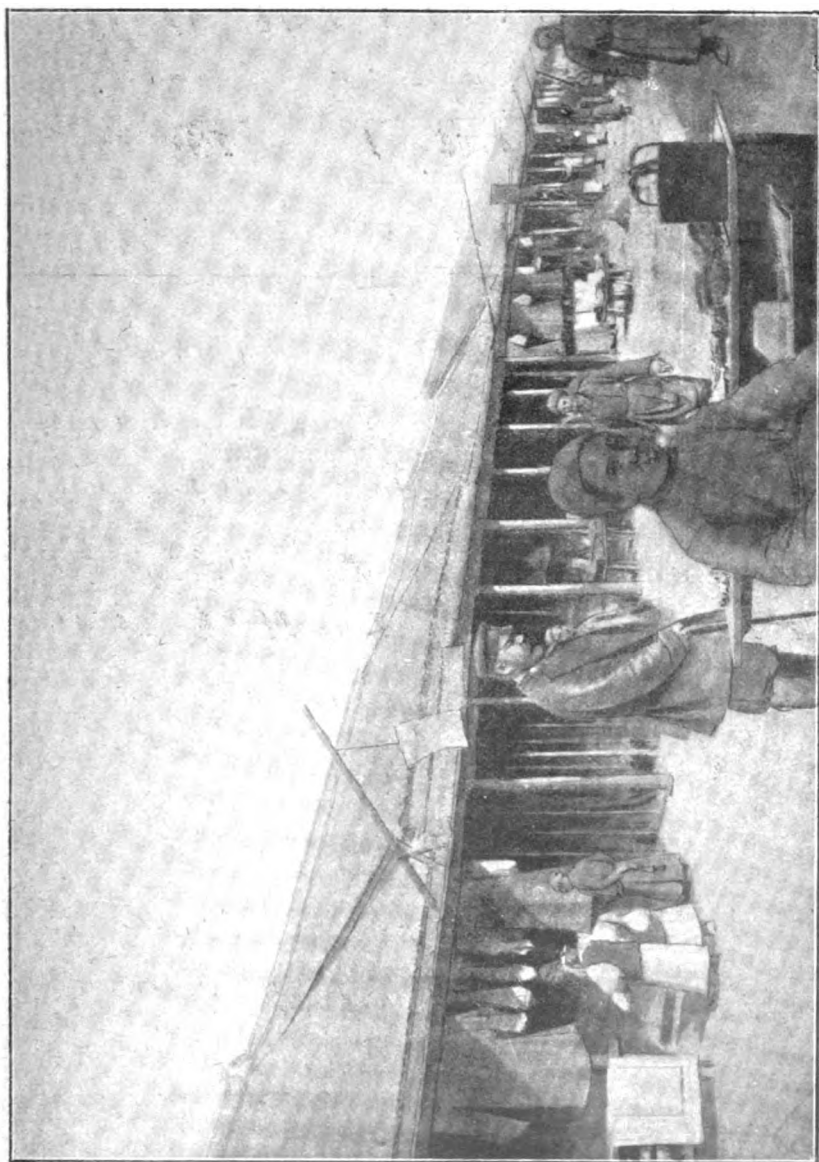
Городъ производитъ впечатлѣніе общее типу всѣхъ азіатскихъ городовъ отъ Заравшана и Мургаба до береговъ Великаго океана. Видоизмѣняясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій Маньчжуріи, этотъ типъ отличается здѣсь лишь преобладаніемъ дерева надъ глиною въ постройкахъ. Выходы на улицу имѣютъ только торговые помѣщенія; жилыя же постройки помѣщаются внутри дворовъ или выходятъ на улицу глухою стѣною. Улицы въ видѣ узкихъ, грязныхъ и кривыхъ переулковъ между высокими заборами и низкими фанзами. Большинство фанзъ имѣетъ видъ обыкновенныхъ деревенскихъ построекъ съ деревянными стѣнами и соломенными крышами, но есть фанзы и

изъ обожженнаго кирпича и крытыя черепицей. Домовъ въ европейскомъ смыслѣ нѣтъ.

Проѣзжая по городу мы должны были проталкиваться черезъ густую толпу любопытныхъ. Отведенное намъ помѣщеніе оказалось довольно грязной фанзой, внутри двора окруженнаго высокимъ заборомъ.

Едва мы успѣли расположиться въ нашемъ помѣщеніи, какъ къ намъ явился полицейскій чиновникъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и попросилъ мой документъ и карту, которую я составлялъ во время пути. Я передалъ ему выданное мнѣ Военнымъ Губернаторомъ Приморской области открытое предписание и печатную карту Южно-Уссурийскаго края. Документы эти вскорѣ были возвращены мнѣ съ наклеенными на нихъ красными ярлычками съ мелкой китайской надписью. По объясненію возвратившаго ихъ полицеймейстера эти ярлыки представляли разрѣшеніе на свободное путешествіе по странѣ.

Послѣ этого г. Мосинъ отправился къ фудутуну съ нашими визитными карточками и съ порученіемъ узнать, когда онъ можетъ принять насъ. Фудутунъ передалъ, что онъ проситъ насъ на другой день въ 10 часовъ утра и прислалъ свою красную визитную карточку, на которой тремя крупными іероглифами было отпечатано его имя Фу-юй-дапъ. Въ городѣ есть телеграфъ, соединенный черезъ Цицикаръ и Гиринь съ европейскою телеграфною сѣтью. Телеграфистъ-китаецъ владѣетъ англійскимъ языкомъ. Телеграммы пишутся латинскими буквами. Въ день нашего пріѣзда я получилъ телеграмму отъ генерала Гродекова съ извѣщеніемъ о полученномъ отъ нашего посланника сообщеніи, что Гириньскому и Цицикарскому Цзянь-цзю-цямъ предписано оказывать намъ содѣйствіе. Этому, конечно, мы и были обязаны хорошему отношенію къ намъ китайскихъ чиновниковъ. Только къ ночи мы освободились отъ толпы любопытныхъ, наполнившихъ дворъ вслѣдъ за нашимъ прибытіемъ. Толпа не имѣла ничего враждебнаго и была вполне спокойна и молчалива. Наиболѣе смѣлые изъ толпы старались заглянуть къ намъ внутрь фанзы, для чего прорывали пальцами бумагу, замѣнявшую въ нашемъ помѣщеніи стекла, или, пользуясь мо-

Главная улица въ Нингутъ.

ментомъ невниманія, незамѣтно входили въ комнату и тихо усѣвшись безмолвно разсматривали насъ. Сначала такіе непрощенные посѣтители раздражали насъ и мы торопились ихъ удалять, но скоро мы начали меньше обращать на это вниманіе и мириться съ мѣстнымъ обычаемъ. Во время перваго ночлега я былъ удивленъ громкими и протяжными криками, которые доносились съ разныхъ сторонъ ближайшихъ улицъ около полуночи. Это продавцы съѣстныхъ припасовъ будятъ и зазываютъ проголодавшихся во время сна. Говорятъ, обычай полночной ѣды распространенъ въ Китаѣ.

Утромъ мы отправились къ фудутуну верхами въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Онъ занимаетъ помѣщеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ внутреннихъ дворовъ, вымощенныхъ кирпичемъ. Вдоль ограды размѣщены жилища помѣщенія. Домъ самаго фудутуна находится на дальнемъ внутреннемъ дворѣ, передъ которымъ для встрѣчи насъ были выстроены въ двѣ шеренги солдаты; мы спѣшили и направились дальше пѣшкомъ. Во внутреннемъ дворѣ насъ встрѣтилъ фудутунъ—пухлый старичекъ съ симпатичнымъ добродушнымъ лицомъ, еще бодрящійся, но уже тронутый старческой слабостью. Отрекомендовавшись и обмѣнявшись рукопожатіями, мы направились къ дому. У входныхъ дверей шедшій со мною рядомъ фудутунъ остановился и пригласилъ меня пройти въ дверь первымъ, я же въ свою очередь предложилъ эту честь ему. Послѣ обмѣна такихъ любезностей 2—3 раза, я прошелъ въ дверь первымъ. Передъ каждой слѣдующей дверью повторялась та же церемонія. Принималъ онъ насъ въ довольно высокой и свѣтлой комнатѣ съ застекленными окнами, но съ обыкновенными канами вмѣсто печей, о которыхъ фудутунъ не имѣетъ понятія; онъ недовѣрчиво спрашивалъ: правда ли, что у насъ дома строятъ безъ кановъ? и какъ мы, при нашемъ суровомъ климатѣ, можемъ жить въ такихъ домахъ? Мы заняли мѣста на креслахъ съ краснымъ сидѣньемъ и позолотой на ручкахъ, разставленныхъ вокругъ обыкновеннаго высокаго стола. На столѣ были разставлены чашки съ фруктами китайскаго приготовленія, вродѣ кіевскаго сухаго варенья, и маленькія чашечки съ ароматичнымъ чаемъ. Визитъ

нашъ продолжался не долго, а бесѣда, въ которой мы избѣгали касаться интересовавшаго насъ предмета, не отличалась ни содержательностью, ни интересомъ. На обратномъ пути у каждаго дверей пунктуально повторялась описанная раньше церемонія. У наружныхъ дверей мы распростились съ фудутунемъ и просили его не беспокоиться провожать насъ далѣе; однако онъ продолжалъ идти съ нами. Во дворѣ мы опять остановились и просили фудутуна не беспокоиться дальнѣйшими проводами. Такая церемонія продолжалась до самыхъ воротъ, у которыхъ мы уже окончательно простились. Минуть черезъ двадцать фудутунъ уже пріѣхалъ къ намъ съ отвѣтнымъ визитомъ верхомъ съ большой живописной свитой всадниковъ. Встрѣтилъ я его также во дворѣ. Мы его угощали сладостями и ликеромъ. Въ тотъ же день Мосинъ отвезъ фудутуну подарки. Фудутунъ разрѣшилъ намъ все покупать и осматривать, для чего оказывается требуется особое разрѣшеніе. Для туриста городъ представляетъ мало интереснаго, а сопровождающая всюду толпа любопытныхъ дѣлаетъ прогулки по городу непріятными.

Въ центрѣ города большое пространство обнесено высокой оградой, съ затѣйливыми башнями по угламъ. Въ серединѣ незастроенная базарная площадь; тутъ же домъ казенныхъ учрежденій фудутунства. Въ городѣ есть одна прямая и довольно широкая улица, вымощенная деревянными пластинами. Здѣсь сосредоточена торговля въ открытыхъ лавкахъ, обыкновенно азіатскаго типа. Товары почти исключительно китайскаго производства: платья, обувь, матеріи, женскія туалетныя принадлежности, бѣлила, румяна и массивныя серебряныя головныя украшенія, кондитерское печенье съ отвратительнымъ запахомъ купжутнаго масла, леденцы и сахаръ весьма низкаго качества. Тутъ же продается лошадиная сбруя, веревки, мука и мѣха. Охотничій промыселъ въ сосѣднихъ горахъ дѣлаетъ Нингуту центромъ мѣховой торговли. Изъ русскихъ товаровъ мы замѣтили: спички фабрики Суворовъ въ Уссурійскомъ краѣ и дешевые сорта тканей: дрель, бязь, ситецъ, сукно. Въ городѣ и окрестностяхъ есть заводы для выдѣлки мѣховъ, для витія

пеньковыхъ веревокъ, для изготовленія большихъ круглыхъ галетъ—для скота, вывозимыхъ и въ Южно-Уссурийскій край; мельницы, изготовляющія пшеничную муку—довольно высокаго качества, имѣющую также значительный сбытъ въ наши предѣлы, и заводы для изготовленія лапши, весьма распространеннаго пищевого продукта, напоминающаго по формѣ вермишель, а по прозрачности и вязкости визигу. Въ Нингутѣ я видѣлъ также оригинальный пищевой продуктъ — это сыръ, приготовленный изъ гороховой муки, съ небольшою примѣсью гипса; по внѣшнему виду онъ не отличается отъ нашего творога. Изъ привезенныхъ продуктовъ на рынкѣ продается: соль 1 р. 45 к. за пудъ, которая добывается, главнымъ образомъ, по морскому побережью нашего Посыетскаго участка, откуда до Нингуты частью чрезъ Хунчунъ и Гиринь, а частью чрезъ Никольское и Сан-ча-коу. Тѣми же путями получается въ Нингутѣ для дальнѣйшаго распространенія на рынкахъ Маньчжуріи и морская капуста, по китайски Хой-цай. Она привозится въ количествѣ 20—30 тысячъ пудовъ ежегодно, упакованная связками около аршина длины, семи вершковъ толщины и $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ, изъ высушенныхъ листьевъ морской водоросли, добываемой вдоль нашего побережья Японскаго моря. Стоимость одной связки отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ рублей. Морская капуста растетъ въ видѣ куста изъ длинныхъ зеленовато бурыхъ листьевъ. Ширина листьевъ около пяти вершковъ, а длина ихъ доходитъ, говорятъ, до 18 аршинъ. Посредствомъ длинныхъ нитевидныхъ корней растение укрѣпляется на каменистомъ морскомъ днѣ. Морская капуста не имѣетъ въ Маньчжуріи значенія самостоятельнаго пищевого продукта, но употребляется всѣми классами населенія въ видѣ пикантной приправы къ рыбѣ и свининѣ, съ которыми она варится или поджаривается на угляхъ. Пикантный вкусъ капусты зависитъ отъ богатаго содержанія въ ней морскихъ солей. Промыселъ морской капусты издавна имѣетъ въ Нингутѣ свою специальную организацію. Рисъ низкихъ сортовъ привозится изъ Южнаго Китая черезъ Мугдэнь и Гиринь, а вышшаго сорта изъ Японіи черезъ наши порты Посыеть и Влади-

востокъ и далѣе—черезъ Хун-чунъ и Сан-ча-коу. Рыбы соленой, составляющей необходимую пищу китайцевъ въ Приморской области, въ Нингутѣ мы не видѣли, хотя она въ довольно большомъ количествѣ отправляется отъ насъ въ Маньчжурію. Изъ другихъ мѣстныхъ продуктовъ наибольшее распространеніе среди населенія имѣютъ разные виды проса, бобы, горохъ, кукуруза и огородныя овощи. Китайская водка (сули), 10 до 15 коп. бутылка, составляетъ необходимую принадлежность обѣда. Сулевые заводы выдѣляются среди окружающихъ фанзъ обширностью построекъ и болѣе широкой постановкой хозяйства. Собственно заводъ представляетъ обыкновенную фанзу, въ которой помѣщаются примитивныя приспособленія производства: очагъ, чугунные котлы, деревянный чанъ и квасильныя ямы. Сули или ханшинъ, по китайски шао-цзю, готовится изъ видовъ проса, гаолянъ и чумидза. Крѣпость сули 30—50%. Получаемые при перегонкѣ остатки (барда), въ видѣ сухой черновато-бурой массы, идутъ въ кормъ свиньямъ. Въ устьи Модоши я видѣлъ прекратившій дѣйствіе значительный сулевой заводъ, у котораго задній дворъ на нѣсколько вершковъ точно навозомъ покрытъ былъ такой массой. Кстати, причину бездѣйствія этого завода мнѣ объяснили тѣмъ, что хозяинъ его былъ разоренъ хунхузами. Заводовъ кирпичныхъ, гончарныхъ и кожевенныхъ есть нѣсколько. Въ городѣ есть мастерскія, выдѣлывающія изъ бумажной массы ярко раскрашенныя фигуры пѣшихъ и конныхъ людей въ натуральную величину, составляющихъ необходимую принадлежность торжественныхъ похоронъ, при чемъ онѣ разставляются во дворѣ передъ фанзою. При перенесеніи покойника на кладбище слѣдомъ за нимъ несутъ и эти фигуры; а по окончаніи церемоніи, ихъ сжигаютъ на могилѣ. Въ Нингутѣ мы были свидѣтелями такого торжественнаго похороннаго шествія въ сопровожденіи многочисленной толпы. Денежное обращеніе здѣсь довольно запутанное. Валюта серебряная. Въ обращеніи серебряныя слитки особой формы—ямбы, цѣнность которыхъ опредѣляется въ вѣсовыхъ единицахъ—лянахъ. Стоимость одного ляна осенью 1895 года была около 1 р. 70 к. Большіе ямбы

вѣсятъ обыкновенно около 50 лянъ. При мелкихъ платежахъ ямбы рубятся на куски требуемаго вѣса. Кромѣ того есть въ обращеніи мелкая монета, круглой формы съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ срединѣ, изъ какого-то сплава въ изломѣ вродѣ чугуна и на поверхности въ видѣ желтой мѣди (чохи). Ихъ два сорта: цянъ и вынъ; 1 цянъ = 2 вынъ, 1000 вынъ = 1 дяо.

Дяо соотвѣтствуетъ приблизительно нашему полтиннику и представляетъ только счетную единицу; монеты такого достоинства нѣтъ.

Кромѣ металлическаго обращенія въ странѣ и при томъ преимущественно обращаются кредитные билеты въ 1, 2, 3 и т. д. дяо. Билеты эти однако выпускаются не правительствомъ, а частными торговыми фирмами и ихъ платежная способность опредѣляется кредито-способностью выпустившей ихъ фирмы, а сфера обращенія границей опредѣленнаго района.

Отправляясь въ путешествіе, я взялъ съ собою серебряныя ямбы стоимостью 80—90 рублей штука, мексиканскіе доллары (1 р. 15 к.) и серебряныя рубли. При расходованіи денегъ оказалось, что доллары охотно принимались въ уплату и стояли по курсу выше чѣмъ въ Россіи; рубли принимались менѣе охотно и по курсу менѣе выгодно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе незнакомства съ ними населенія, а ямбы, въ виду неудобства храненія и расходованія ихъ, пришлось, съ потерей на курсѣ, размѣнять на доллора и китайскія кредитныя бумажки. Въ Нингутѣ сосредоточена вся торгово-промышленная дѣятельность пройденной нами страны. Кромѣ того, служа резиденціей фудутуна, Нингута представляетъ административный центръ этой мѣстности, которая входитъ въ составъ Гириньской провинціи. Во главѣ администраціи стоитъ Цзянь-цюнь (генераль-губернаторъ), проживающій въ Гиринь. Гириньское цзянь-цюньство дѣлится на девять фудутунствъ, изъ которыхъ главнымъ считается Нингутинское. Нингутинскому фудутуну подчинены всѣ видѣнные нами по дорогѣ служилые люди. Впечатлѣніе моихъ личныхъ сношеній съ китайскими чиновниками сильно расходится съ свидѣтельствомъ моихъ предшественниковъ. Въ

описаніяхъ этихъ послѣднихъ рѣзко выставляется заносчивость, подозрительность, придирчивость и вѣроломство китайскихъ властей, тогда какъ я съ моими спутниками, будучи совершенно частными путешественниками съ ученою цѣлью, безъ всякой официальной представительности, встрѣчали любезность, гостепріимство и выраженіе симпатіи къ русскимъ. Таково вліяніе послѣднихъ политическихъ событій въ Китаѣ. Всѣ видѣнные нами въ странѣ чиновники-китайцы уроженцы южныхъ провинцій. Маньчжуръ мы встрѣчали лицъ между военными чинами. Они представляютъ по сравненію съ китайцами болѣе грубый типъ. Среди нижнихъ чиновъ мѣстныхъ войскъ маньчжуры, какъ кажется, составляютъ преобладающій, если не исключительный, элементъ. Маньчжурскіе всадники, не смотря на ихъ неуклюжій скрывающій формы костюмъ, отличаются ловкостью. Они очень легко и быстро спѣшиваются и вскакиваютъ въ сѣдло. Этотъ маневръ они продѣлываютъ очень часто. При встрѣчѣ двухъ знакомыхъ всадниковъ, оба останавливаются на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, сходятъ съ лошадей и, ведя ихъ въ поводу, идутъ на встрѣчу пѣшкомъ. Не доходя шага на два, оба останавливаются и держа передъ собою сложенные ладонями вмѣстѣ руки и низко присѣдая, дѣлаютъ глубокій реверансъ, послѣ чего уже привѣтствуютъ словами. Какъ бы часто ни встрѣчались по дорогѣ знакомыя, церемонія повторяется съ педантичною точностью. Вооруженіе войскъ составляютъ ружья новыхъ системъ, преимущественно винчестера, но попадаются берданки и пистонные дробовки. Это оружіе смѣнило древнее вооруженіе воинственныхъ маньчжурскихъ полчищъ. Лукъ исчезъ изъ употребленія, а вмѣстѣ съ нимъ отошла въ область преданій и воинственность древнихъ покорителей Китая. Впрочемъ, умѣнье владѣть лукомъ до сихъ поръ считается обязательнымъ для каждаго воина и не выдержавшій испытанія въ этомъ искусствѣ лишается права на полученіе перваго класса чина. Для этой цѣли въ казенныхъ арсеналахъ имѣются луки, но въ частномъ пользованіи и въ продажѣ ихъ нѣтъ. Докторъ Тенчинскій, желавшій пріобрѣсти лукъ, могъ получить его лишь тайно ночью съ соблю-

деніемъ большихъ предосторожностей. Впрочемъ мнѣ рассказывали китайцы, что до сихъ поръ еще существуютъ части войскъ, вооруженныхъ луками, которые хотя не имѣютъ никакого боеваго значенія, но сохраняются по традиціямъ для того, какъ объяснилъ рассказчикъ, чтобы не забывали этого оружія. Съ такимъ трудомъ китайцы отстаютъ отъ старины, не стѣсняясь даже безсмыслицей, доходящей до нелѣпости анахронизма.

На третій день послѣ прибытія мы вышли изъ Нингуты.

Оборачиваясь назадъ и взглядывая на общую картину пройденной по китайской территоріи мѣстности, мы видимъ пустынную страну съ жалкими зачатками культуры, искусственно насаждаемой здѣсь китайскимъ правительствомъ. Укрывшись въ сторонѣ отъ міровыхъ путей и охраняемая суровой природой своей горной поверхности при отсутствіи населенія и придиричivosti властей сосѣднихъ китайскихъ провинцій, она не занимаетъ виднаго мѣста въ литературѣ извѣстныхъ путешествій по Азіи и лишь неясными контурами предположительно зачерчена на географическихъ картахъ.

До сихъ поръ лишь немногимъ европейцамъ удавалось проникнуть сюда и эти немногіе, приподымая край таинственной завѣсы надъ невѣдомой страной, освѣщаютъ: то уголокъ земли съ дикимъ враждебнымъ населеніемъ и подозрительными китайскими чиновниками, то одиноко стоящій при пустынной дорогѣ китайскій военный карауль, оплотъ отъ хунхузовъ, то извивающуюся пустыннымъ горнымъ ущельемъ прегражденную камнями трону *).

По нашимъ изслѣдованіямъ мѣстность между нашей границей и рѣкой Мудань-дзянь представляетъ возвышенную страну, по поверхности которой выдѣляются три параллельныхъ магистральныхъ водораздѣла: Пограничный хребетъ (Ван-лун-гоу), Тай-пин-линь и Чан-лип-цза. Общее направленіе ихъ болѣе

*) Лучшій и притомъ чрезвычайно добросовѣстный (въ чемъ я лично убѣдился на мѣстѣ) трудъ несомнѣнно принадлежитъ генералу Барабашъ. Къ сожалѣнію сочиненіе это недоступно публикѣ.

или менѣе близко къ направленію меридіана, а средняя высота на перевалахъ около трехсотъ сажень. Съ этихъ хребтовъ открывается далекій горизонтъ, задернутый снизу непрозрачною сизою дымкой тумана; въ ней тонуть ущелья долины и холмистыя очертанія высотъ. Лишь мѣстами подымаясь съ глубины точно плаваютъ въ туманѣ скалистые гребни хребтовъ и вершины отдѣльныхъ сопокъ.

На сѣверѣ и западѣ возвышенность обрѣзана долинами рѣкъ Амурской системы, на востокѣ ограниченная въ видѣ порога Русско-Китайскимъ (Пограничнымъ) хребтомъ, она падаетъ крутымъ скалистымъ уступомъ, выдѣляя въ наши предѣлы хребетъ Сухотэ-Алинь, который, обнимая Южно-Уссурийскій край, рѣзко опредѣляетъ и топографическій характеръ и климатическія особенности этого края. На югѣ заполняющія страну отроги хребтовъ, соединяясь проходятъ между притоками Суйфунъ, Мурень и Мудань-Дзянь, двумя хребтами: Лоз-линь и Чан-лин-цза.

Землистый слой, прикрывающій массивъ горной страны, крайне незначителенъ; по откосамъ отдѣльныхъ сопокъ, ущелій и рѣчныхъ долинъ всюду скалистыя обнаженія. Рѣки также текутъ по каменистому ложу.

Судя по обнаженіямъ, горныя породы распредѣляются здѣсь слѣдующимъ образомъ: въ юговосточной части страны, по хребту Ван-лун-гоу — архейскіе граниты, гнейсы и кристаллическіе известняки. Отъ хребта Ван-лун-гоу породы эти, распространяясь съ одной стороны на сѣверо-западъ, по рѣкѣ Чжу-ан-цзя-гоу, образуютъ хребетъ Лоз-линь, а съ другой стороны на сѣверовостокъ образуютъ возвышенности обоихъ береговъ долины Сяо-Суйфунъ и слагаются въ верхнемъ теченіи рѣки Селин-хэ, по восточному склону хребта Тай-пин-линь и по возвышенностямъ праваго берега долины Маціо-хэ. Въ вершинѣ долины Ба-дао-хэ-цза, въ средней части долины Селин-хэ и по лѣвому берегу долины Мурень у устья Лю-мо-за-хэ, залегаютъ метаморфическіе сланцы и песчаники.

Въ промежуткѣ между названными группами породъ рас-

положены изверженныя породы, а именно: по среднему теченію Ба-дао-хэ-цза—порфиры; по лѣвому берегу нижняго теченія Селин-хэ—діориты и діабазы; на перевалѣ хребта Тайпин-линъ—базальты; по восточному склону его—порфиры, а по западному, вдоль р. Хул-ми-хэ, сначала діориты и діабазы, а ниже — граниты и сіениты; по правому берегу Муреня у подножія западнаго склона хребта Яо-лин-за—бальзаты; хребетъ Чан-лин-цза сложенъ изъ діоритовъ и діабазовъ, а отрогъ его между рѣками Піенза и Піеладза оканчивается возвышенностями базальтоваго сложенія.

Названные три магистральныхъ хребта служатъ водораздѣлами для трехъ рѣчныхъ системъ: Сяо-Суйфунъ, Мурень и Мудань-Цзянь, главные русла которыхъ имѣютъ направленія, соотвѣтствующія направленію водораздѣльныхъ хребтовъ.

На всемъ остальномъ пространствѣ между линіями этихъ хребтовъ и долинъ страна заполнена горными отрогами названныхъ хребтовъ и изрѣзана ущельями и горными долинами названныхъ рѣкъ. Эти рѣчныя системы образуются сліяніемъ множества мелкихъ рѣченокъ. Вообще страна орошена чрезвычайно обильно. По дну ущелій и горныхъ расщелинъ всюду пробѣгаютъ ручьи. Вода просачивается по скалистымъ откосамъ и пробивается ключами у подножія возвышенностей, образуя по пологимъ покатосямъ и плоскимъ долинамъ мелкія болотца и топи. Даже склоны значительной крутизны, будучи покрыты густыми зарослями кустарниковой или травянистой растительности и въ большинствѣ кочковатые, бываютъ пропитаны водою все лѣто. Такое обиліе воды обусловлено физико-географическими свойствами страны. Расположенная между 44 и 45 градусами широты при значительной высотѣ надъ уровнемъ моря она недостаточно защищена отъ вліянія холоднаго сѣвернаго теченія Японскаго моря, которое идетъ вдоль береговъ материка. Вліяніе его на климатъ страны выражается общимъ пониженіемъ лѣтней температуры и обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, приносимыхъ южными и юго-восточными вѣтрами, преобладающими здѣсь въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы.

Ограждающіе страну отъ этихъ вѣтровъ хребты при высотѣ въ 2—3 тысячи футъ не въ состояніи защитить ея, хотя они все-таки нѣсколько умѣряютъ вліяніе этихъ вѣтровъ, что выражается здѣсь отсутствіемъ лѣтомъ тѣхъ частыхъ, густыхъ и холодныхъ тумановъ, которымъ подвержено наше сѣверное побережье Японскаго моря.

Вліяніе же дующихъ съ Желтаго моря, къ тому же болѣе рѣдкихъ, теплыхъ юго-западныхъ вѣтровъ парализуется высокимъ хребтомъ Ча-бо-шань.

Зимою страна находится подъ вліяніемъ сухихъ и холодныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, тяжелыя волны которыхъ, спускаясь по терасовиднымъ уступамъ Монгольской возвышенности, притекаютъ сюда изъ далекой холодной Сибири.

Лучшее время года здѣсь осень. Во время нашего путешествія до Нингуты все время стояла сухая, тихая и ясная погода, которая установилась въ концѣ августа и до начала октября термометръ не падалъ ниже нуля. Первый морозъ наблюдался въ долині Ба-дао-хэ-цза 4 октября въ 6 часовъ утра. Къ концу октября морозы ночью и на зарѣ достигали 10° R., но въ полдень термометръ показывалъ плюсъ.

Въ ночь на 1-е ноября *) выпалъ первый снѣгъ и установилась зима. Ледоходъ на Мурепи начался 20 октября, а на Суйфунѣ 29 октября. Въ эту зиму слой снѣга на ровныхъ открытыхъ мѣстахъ въ среднемъ былъ толщиною около 1'. Наибольшіе морозы были въ декабрѣ, когда они доходили до 30° R.

Въ теченіи зимы была три раза пурга. Зима эта по запроснымъ свѣдѣніямъ не была исключительной. Вообще зимы здѣсь снѣжныя, холодныя, ясныя. Преобладающіе вѣтры N и NW сухіе и холодныя. Теплый же S и SO, пагоняя облака и повышая температуру, обыкновенно сопровождается обильнымъ

*) Въ Сибирскомъ Сборникѣ выпускъ III за 1896 г. въ моеѣ статьѣ „По восточной Маньчжуріи“ стр. 312 ошибочно напечатано 1-е декабря.

выпаденіемъ снѣга и нерѣдко пургой, которая продолжается обыкновенно отъ 2-хъ до 4-хъ дней.

Весна холодная и сырая. Подъ вліяніемъ обильныхъ дождей рѣки, ручьи и болота переполняются водою, почва раскисаетъ и дороги дѣлаются непроѣзжими. Таковы здѣсь мартъ, апрѣль и май мѣсяцы.

Немногимъ лучше бываетъ обыкновенно и лѣто, когда воздухъ насыщенъ парами въ такой степени, что сохраняемая даже въ закрытомъ помѣщеніи папирсы весьма трудно раскуриваются, а бѣлье и обувь зацвѣтають. Дожди идутъ часто, а въ концѣ лѣта, когда наступаетъ дождливый періодъ, льютъ почти непрерывно иногда въ теченіи цѣлаго мѣсяца, прекращая совсѣмъ сообщенія и вызывая бѣдствія наводненій отъ переполненныхъ водою рѣкъ.

Кромѣ атмосферныхъ вліяній и люди, и животныя здѣсь страдаютъ лѣтомъ отъ гнуса. Нѣсколько различающихся цвѣтомъ и величиною разновидностей мошекъ, комаровъ и паута съ ожесточеннымъ остервенѣніемъ массами носятся вокругъ нихъ. Эти мучители, точно отбывая очередныя дежурста, аккуратно смѣняются другъ друга, не оставляя своимъ жертвамъ въ теченіи сутокъ ни минуты спокойнаго отдыха. Паути летаетъ лишь днемъ и отъ него страдаютъ больше лошади.

Появленіе комаровъ и мошекъ, безъ отношенія къ времени сутокъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ силы вѣтра, при которомъ они не всегда въ состояніи направлять свой полетъ къ цѣли. Отъ нихъ больше всего страдаетъ человѣкъ, хотя и лошади не всегда въ состояніи терпѣливо выносить ихъ мученія.

Отъ гнуса нѣтъ радикальнаго средства. Лучшее изъ извѣстныхъ — дымокуры.

По гребнямъ высокихъ хребтовъ здѣсь растутъ хвойныя лѣса изъ кедровъ, сосенъ и лиственницъ. Густой подлѣсокъ изъ разнородныхъ лиственныхъ породъ, спускаясь по склонамъ, образуетъ въ долинахъ густую чащу. Преобладаетъ въ немъ дубъ, сохраняющій на зиму осеннюю листву; съ нимъ

перемѣшаны кленъ, ясень, липа, береза и осина. По дну ущелій обыкновенно кустарниковая растительность съ преобладаніемъ ивы. Буйная травянистая растительность покрываетъ дно широкихъ долинъ и пологіе влажные склоны.

Лиственные лѣса для сплошной вырубki при лѣсныхъ заготовкахъ для строительныхъ работъ не пригодны. Деревья, достигшія необходимаго развитія по высотѣ и толщинѣ, рѣдко имѣютъ совершенно здоровую древесину, не пораженную гнилью или червоточинами. Обыкновенно годные для строительныхъ работъ экземпляры разъединены пространствомъ, занятымъ дровянымъ лѣсомъ. Лучшіе строевые лѣса имѣются по верховьямъ южныхъ притоковъ Суифуна изъ лиственницы и въ верховьяхъ Селин-хэ и Мурепъ-хэ изъ кедра.

Изъ крупныхъ млекопитающихъ здѣсь водятся: тигръ, барсъ, медвѣдь, волкъ, кабанъ, козуля, изюбрь и др.

Изъ птицъ очень много фазановъ и тетеревовъ.

Въ отношеніи природы и климата эта страна имѣетъ много общаго съ нашимъ Южно-Уссурійскимъ краемъ, съ которымъ она составляетъ какъ бы одно цѣлое.

Исполнивъ несложную культурную миссію въ отдаленномъ прошломъ она потеряла свою исторію, и позабытая человѣкомъ, застыла въ суровомъ величіи дикой природы. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, когда въ кровавой борьбѣ и мирной жизни народовъ и развивались, и падали культуры другихъ странъ, въ этой странѣ совершался лишь процессъ разрушенія горныхъ породъ атмосфернымъ вліяніемъ и порабоженія ея глухою тайгою.

2-го ноября 1860 года по Пекинскому договору Уссурійскій край окончательно присоединяется отъ Китая къ Россіи и европейская культура въ непрестанномъ движеніи къ востоку непрерывнымъ Сибирскимъ путемъ достигаетъ береговъ Великаго Океана. Во вновь присоединенномъ къ намъ Уссурійскомъ краѣ, пробуждая тайгу, быстро забился пульсъ народной жизни.

Проходитъ около двадцати лѣтъ, а сосѣдняя страна все

еще остается въ первобытно-пустынномъ состояніи. Лишь около пачала восьмидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ укрѣпленія русскихъ на Амурѣ Китай рѣшается измѣнить вѣковымъ традиціямъ маньчжурской династіи сохранить Маньчжурію для маньчжуръ и вопреки коренному закону Имперіи, воспрещающему выселеніе китайцевъ за предѣлы великой стѣны, созданіемъ административныхъ пунктовъ и матеріальной поддержкой переселенцевъ стремиться къ колонизаціи сопредѣльной намъ части Маньчжуріи. У нашей границы основывается городъ Сан-ча-коу и устраивается описанная нами дорога изъ Сан-ча-коу въ Нингуту. Для охраны путешественниковъ вдоль дороги разставляются военные караулы и казенные постоянные дворы. Въ край привлекается осѣдлое китайское населеніе. Переселенцы надѣляются землею и получаютъ отъ казны натуру рабочій скотъ, хозяйственный инвентаръ и хлѣбные запасы на льготныхъ условіяхъ. Страна пріобрѣтаетъ ту степень культурнаго развитія, на которой мы ее видимъ теперь. Осѣдлое населеніе образуетъ поселенія по широкимъ долинамъ съ песчано-глинистой почвой Суйфунъ, Мурень и Мудань-дзянь, группируясь около центровъ Сан-ча-коу на Суйфунѣ, крѣпость Мурень-хэ на Мурени и Нингута на Мудань-дзянь. Главное занятіе жителей хлѣбопашество. Съ особенною любовью китайцы занимаются огородничествомъ. Скотоводство развито слабо. Китайцы, кромѣ китайцевъ мусульманъ, вообще не ѣдятъ говядины и не знаютъ молочнаго хозяйства. Овцеводство совсѣмъ не развито. Зато свиней здѣсь разводятъ въ большомъ количествѣ и свинина является почти единственной мясной пищей жителей. Быки имѣютъ цѣнность только какъ рабочій скотъ. Запряжка одиночная. Кромѣ быковъ, какъ вьючныя и упряжныя животныя, здѣсь употребляются ослы, мулы и лошади очень мелкой породы. Въ способѣ веденія хозяйства всюду проявляется основная черта китайскаго характера—аккуратность и терпѣливая внимательность въ отдѣлкѣ деталей. Земледѣліе въ Китаѣ пользуется исключительнымъ покровительствомъ закона и находится на значительной степени культур-

наго развитія. Поля обрабатываются весьма тщательно и, въ виду примитивности орудій производства, съ большой затратой труда. Но китайская культура не успѣла еще овладѣть видѣнной нами пустынной страной и пока слегка лишь коснулась ея.

Текуція событія нашего времени, привлекая политическіе интересы Европы на Азіатскій востокъ, создаютъ здѣсь новую эру для историческихъ судебъ страны и пробуждая ее послѣ многовѣковаго забвенія, отводятъ ей мѣсто на аренѣ международныхъ политическихъ интересовъ и широкихъ промышленныхъ задачъ.

13 x

Princeton University Library

32101 045251145

